

С Рождеством Христовым и Новым 2020 годом!

Редакция «Жемчужины» поздравляет читателей, подписчиков и друзей журнала с Рождеством Христовым и Новым 2020 годом! Здоровья всем, счастья и успеха в добрых начинаниях...

Отче Наш

Я слышал - в келии простой
Старик молитвою чудесной
Молился тихо предо мной:
«Отец людей, Отец Небесный!
Да имя вечное Твое
Святится нашими сердцами;
Да придет Царствие Твое,
Твоя да будет воля с нами,
Как в небесах, так на земли.
Насущный хлеб нам ниспошли
Своею щедрою рукою;
И как прощаем мы людей,
Так нас, ничтожных пред Тобою,
Прости, Отец, Своих детей;
Не ввергни нас во искушение,
И от лукавого прельщения
Избави нас!..»
Перед крестом
Так он молился. Свет лампы
Мерцал впотьмах издалика,
И сердце чайло отрады
От той молитвы старика.

А.С. ПУШКИН.

Рождество Христово -
Праздник дорогой,
Звезд ночных сиянье,
Благость и покой.
Падают снежинки,
На душе весна,
Зимние картинки
Сказочного сна.
Тайною сочельник
Неземной объят,
А пушистый ельник
Прячет медвежат.
Ангелы ликуют,
Мягкий снег кружит,
Святость торжествует,
Ну, а зло дрожит.
В храмах много люда -
Все пришли сюда,
Чтоб прославить чудо
Рождества Христа.
А над всей вселенной
В мириадах звезд
Празднует Рожденье
Сам Иисус Христос.

Владимир Невярович.

Этот мир из неслыханной сказки,
Эти, в блёстках до рези, откосы,
У овинов синичная россыпь.
И блескучая позвонь салазок,
И алмазная прорубь на плёсе!

За околицей - вольная воля!
Только скрип, словно режут капусту,
Только иней, каляный до хрусту.
Крикнешь-свистнешь в глухое безмолвье -
Снег с деревьев шарахнется густо.

Татьяна ГРИБАНОВА.

Бедные родственники

Сумерки располагают к раздумью, но никак не к работе. Они - Сумерки - об этом знают и потому нагружать себя не любят. Особенно с приходом лета. В это время года они откровенно пребывают в лени. На землю спускаются ненадолго, просто прогуляться. Летнему Дню не досаждают, лишь шепнут на ушко: «Отдыхать пора», - и весь разговор. А у Летнего Дня столько за день хлопот, столько дел, столько впечатлений, что совет Сумерек воспринимает он с благодарностью.

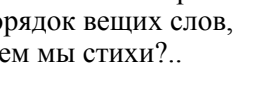
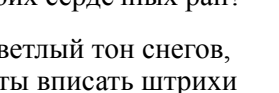
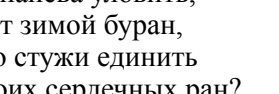
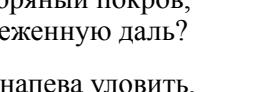
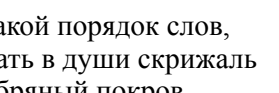
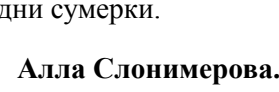
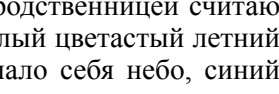
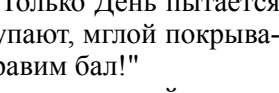
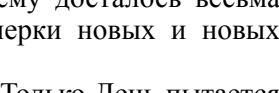
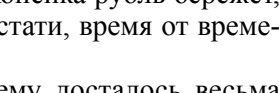
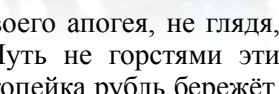
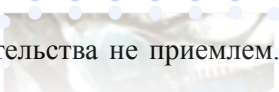
Честно сказать, Летний День считал Сумерки просто бедными родственниками. Они такими и были: ничего не просили, но от подачек не отказывались. Хотя однажды Летний День решил подарить Сумеркам яркий цветастый сарафанчик, в который одевается Поле, солнечный луч - украшение Неба и синий шёлковый платочек, которым укрывает плечи Речка. Однако вместо благодарности услышал День весьма жёсткие слова: "Мы хоть и бедные, но гордые. Мы Second Hand не берём. Благодетельства не приемлем. Хочешь сделать подарок - дари маленькие сувениры. Например, минутки.

Щедлость Летнего Дня была подобна расточительству. Достигнув своего апогея, не глядя, стал отщипывать Бедным родственникам минутку, другую, третью. Чуть не горстями эти минутки отдавал. А хитрые Сумерки, памятуя человеческую мудрость - копейка рубль бережёт, переиначили её на свой лад: минутка бережёт час. И берегли минутки. Кстати, время от времени и сами воровато откусывали их от Летнего Дня.

Когда на смену Летнему Дню пришёл День Осенний, наследство ему досталось весьма "обкусанное". Дальше - хуже. Привыкнув к подачкам, требовали Сумерки новых и новых минут. Судом грозились, едва до криминальных разборок дело не дошло.

К **Зиме** Осенний день пришёл кротким и слабым. Утром - сумрачно. Только День пытается расправить плечи, - на него наступают Сумерки. Широким фронтом наступают, мглой покрывают. "Хватит, - кричат, - считать нас бедными родственниками! Ныне мы правим бал!"

В бесконечные промозглые осенние сумерки, скажу честно, бедной родственницей считаю себя я. С какой радостью готова была бы сейчас получить в подарок веселый цветастый летний сарафанчик, в который одевалось поле, солнечный луч, которым украшало себя небо, синий шёлковый платочек, который набрасывала на плечи речка. Увы... кругом одни сумерки.

Фотография из Интернета.

Печатается с любезного разрешения автора.

Проза.ру © Copyright: Алла Слонимерова, 2013

Свидетельство о публикации №213112000571

Улыбка - это поцелуй души. (М. Антрим)

*А за окном гуляют Дождь с Дождихой...
(Мне жаль, что люди видят только дождь).
Она с ним по бульвару бродит тихо,
А он ей заливаает... Ну и что ж...
Шуршат листвой, укутываясь в вечер,
Сегодня им не хочется спешить.
Для них ведь осень - это время встречи -
Особенное время для души.
Они негромко шлепают по лужам,
Стуча морзянкой капельной: прием...
Дождю с Дождихой совсем не скучно
Шагать по мокрой осени вдвоем.*

© Елена Бродская

"Если тебя считают верблюдом, плюй на всех"
(Владимир Голобородько)

Зимой

Найду ль такой порядок слов,
Чтоб записать в души скрижаль
Лесов серебряный покров,
Полей заснеженную даль?

Как грусть напева уловить,
Что пропoeт зимой буран,
Чтоб песню стужи единить
С огнём своих сердечных ран?

Найду ли светлый тон снегов,
Чтоб чистоты вписать штрихи
В тот беспорядок вещей слов,
Что называем мы стихи?..

Александр Лазутин.
сайт "Свете Тихий"

Основы христианской культуры

«О ЗАСТАВЛЕНИИ И НАСИЛИИ» - начало в № 73

7. О СИЛЕ И ЗЛЕ - окончание...

Тело человека укрывает за собою и его дух, и его страсти, но укрывает их так, что телесно обнаруживает их, как бы высказывает их на другом, чувственно внешнем языке; так что прозорливый глаз может как бы прочесть душевную речь человека за органическую аллегориею (буквально: иносказанием) его внешнего состава и его внешних проявлений. Быть может, язык тела, этой вещественной ткани невещественной доброты и злобы, элементарнее, грубее душевно-духовного языка, но в земной жизни людям, укрытым порошью за своими индивидуальными телами, не дано сообщаться друг с другом иначе, как через посредство их тел: взглядом, голосом, жестом, касанием передают они друг другу о своих внутренних состояниях и отношениях, сигнализируя произвольно и непроизвольно. И если

неизбежно и допустимо, чтобы человек человеку телесно выражал сочувствие, одобрение и приятие, то столь же неизбежно и допустимо, чтобы люди телесно передавали друг другу несочувствие, неодобрение и неприятие, т. е. и духовное осуждение, и праведный гнев, и волевое противодействие.

И вот физическое воздействие на другого человека против его согласия и в знак решительного волевого сопротивления его духовно неодобряемому, внешнему поведению может оказываться единственным духовно точным и духовно искренним словом общения между людьми. И притом так, что это воздействие, душевно напрягая и потрясая обе стороны и формулируя их духовное расхождение и борьбу на языке физической силы, отнюдь не становится враждебным ни верно понятой духовности человека, ни верно понятой любви.

Духовно здоровый человек не может не возмущаться при виде внутренне торжествующего и внешне изливающегося зла; он не может не чувствовать, что несопротивление ему есть не только попушение, и одобрение, и молчаливое ободрение, но и соучастие в его поступке; считая злодея по совести - буйным очагом противодуховности и видя тщету духовного и словесного понуждения, он не может, не смеет, не должен воздерживаться от внешнего пресечения. Ибо тело человека не выше его души и не священнее его духа, оно совсем не есть неприкосновенное святилище злобы или неприступное убежище порочных страстей. Тело злодея есть его орудие, его орган, оно не отдельно от него, он в нем присутствует, он в него влит и через него изливает себя в мир. Его тело есть территория его злобы, и эта духовно опустошенная территория отнюдь не экстерриториальна для чужого духа. Благоговейный трепет перед телом злодея, не трепещущего перед лицом Божиим, противоестествен: это моральный предрассудок, духовное малодушие, безволие, сентиментальное суеверие. Этот трепет, сковывающий каким-то психозом здоровый и верный порыв духа, - ведет человека под флаг «непротивления злу насилием» к полному несопротивлению злу, т. е. к духовному дезертирству, предательству, пособничеству и самораствлению.

Физическое воздействие на другого человека против его воли духовно показуется в жизни каждый раз, как внутреннее самоуправление изменяет ему и нет душевно-духовных средств для того, чтобы предотвратить непоправимые последствия ошибки или злой страсти. Прав тот, кто оттолкнет от пропасти зазевавшегося путника, кто вырвет пузырек с ядом у ожесточившегося самоубийцы, кто вовремя ударит по руке прицеливающегося революционера, кто в последнюю минуту собьет с ног поджигателя, кто выгонит из храма кощунствующих бесстыдников, кто бросится с оружием на толпу солдат, насилующих девочку, кто свяжет невменяемого и укротит одержимого злодея. Злобу ли проявит он в этом? Нет - осуждение, возмущение, гнев и подлинную волю к недопущению объективации зла. Будет ли это поправлением духовного начала в человеке? Нет, но волевым утверждением его в себе и волевым призывом к нему в другом, обнаруживающем свою несостоятельность. Будет ли это актом, разрушающим любовное единение? Нет, но актом, верно и мужественно проявляющим духовное разъединение между злодеем и незлодеем. Будет ли это изменою Божьему делу на земле? Нет, но верным и самоотверженным служением ему.

Но, может быть, это будет все-таки «насилием»? Не всякое применение силы к «несогласному» есть насилие. Насильник говорит своей жертве: «ты средство для моего интереса и моей

похоти», «ты не автономный дух, а подчиненная мне одушевленная вещь», «ты во власти моего произвола». Напротив, человек, творящий понуждение или пресечение от лица духа, не делает понуждаемого средством для своего интереса и своей похоти, не отрицает его автономной духовности, не предлагает ему стать покорной одушевленной вещью, не делает его жертвой своего произвола. Но он как бы говорит ему: «смотри, ты управляешь собою невнимательно, ошибочно, недостаточно, дурно и стоишь накануне роковых непоправимостей», или: «ты унижаешься, ты буйно безумствуешь, ты попираешь свою духовность, ты одержим дыханием зла, ты невменяем - и губишь, и гибнешь, - остановись, здесь я полагаю этому предел!» И этим он не разрушает духовность безумца, а полагает начало его самообуздания и самостроительству; он не унижает его достоинства, а понуждает его прекратить свое самоунижение; он не попирает его автономию, а требует ее восстановления; он не «насилует» его «убеждений», а потрясает его слепоту и вводит ему в его сознание его беспринципность; он не укрепляет его противоположность, а полагает конец его бьющему через край ненавистничеству. Насильник нападает, пресекающий отражает. Насильник требует покорности себе самому, понудитель требует повиновения духу и его законам. Насильник презирает духовное начало в человеке, понудитель чтит его и обороняет. Насильник своекорыстно ненавистничает, пресекающий движим не злобою и не жадностью, а справедливым предметным гневом.

Конечно, есть и черты сходства: и насильник и пресекающий - не уговаривают и не ласкают, оба воздействуют на человека, вопреки его «согласию» оба не останавливаются перед воздействием на его внешний состав. Но какое же глядение поверху необходимо для того, чтобы на основании этих формальных аналогий утверждать существенную одинаковость и духовную равнозапретность насилия и пресечения?

Итак, все учение о противодуховности и противоположности физического понуждения и пресечения, направленного против злодея, падает как несостоятельное, как предрассудок и суеверие. Противодуховно и противоположно не понуждение и не пресечение, а злобное насилие; совершая его, человек всегда неправ: и тем, что зол, и тем, что объективировал свою злобу, и тем, что презрел чужую духовность, и тем, что превратил другого в средство своей похоти; и неправота его остается, независимо от того, что его поступок в конечном счете принесет пострадавшему и, может быть, даже ему самому - нравственную пользу или нравственный вред.

Понуждение, направленное против злодея, и злобное насилие, против кого бы оно ни было направлено, - не одно и то же; смешение их непредметно, несправедливо, пристрастно и слепо.

Но если, таким образом, физическое пересечение и понуждение человека человеком не есть зло, то и зло отнюдь не сводимо к воздействию на человека через посредство его тела или к причинению физических страданий ближнему.

В самом деле, зло может проявляться и обычно проявляется совсем не только в виде физического насилия и связанных с ним физических мучений. Наивно было бы думать, что деятельность злодея сводится к физическому нападению, отнятию имущества, ранению, изнасилованию и убиению. Конечно, все эти деяния обычно мало затрудняют или совсем не затрудняют злодейскую душу, и, поражая внешние блага других людей, злодеи наносят им через это и жизненный, и душевный, и духовный ущерб. Мало того, насилующие злодеи, сговорившись и организовавшись, могут нанести неисчислимый вред духовной жизни не только отдельных людей, но и целых народов, и всего человечества. И тем не менее физическое насилие не есть ни единственное, ни главное, ни самое губительное проявление их злодейства.

Человек гибнет не только тогда, когда он беднеет, голодает, страдает и умирает, а тогда, когда он слабеет духом и разлагается нравственно и религиозно. Не тогда, когда ему трудно жить или невозможно поддерживать свое существование, а тогда, когда он живет унижительно и умирает позорно. Не тогда, когда он страдает или терпит лишения и беды, а когда он предается злу. И вот довести человека до этого самопредания, до несопротивления, до покорности, до наслаждения злом и преданности ему - бывает гораздо легче не физическим насилием, а другими, более мягкими средствами; мало того, именно физическое насилие ведет нередко к обратному результату: к очищению души, укреплению и закалению духовной воли. Зло гораздо легче входит в душу, прокрадываясь и увлекая, чем насилуя и ломая; для него бывает целесообразнее надеть личину, чем сразу обнаружить свою отвратительность. ***Поэтому злодеи, желая одолеть незлодеев, не только насилуют и убивают, но восхваляют зло, носят добро, лгут, клеветуют, льстят, пропагандируют и агитируют. Потом, приобретя авторитет, приказывают и запрещают, исключают и понуждают угрозами,*** искушают, чувственно опьяняя взор, и слух, и сознание, угождая дурным инстинктам и разжигая их до состояния страстного кипения. Они будят в душах чувство обиды, зависти, вражды, мстительности, ненависти и злобы, ставят людей в тягостные, унижительные, невыносимые условия жизни, подкупают выгодой, почетом, властью, стараются подорвать в душе чувство собственного достоинства, уважения и доверия людей друг к другу, приучают ко злу простой повторностью, бесстыдным примером, незаметным заражением, внушением, расшатанием воли, привитием порочных душевных меха-

низмов и стремятся покрыть все это явной удачливостью, безнаказанностью, гамом упоенного пиршества...

Озлобленное насилие и убийство сгущают, конечно, отвратительную атмосферу этого злодейского шествия, но главным проявлением зла и самым губительным последствием его остается именно качественное извращение и архитектурное разложение живого духа. Само насилие при всей его внешней грубости несет свой яд не столько телу, сколько духу, самое убийство, при всей его трагической непоправимости, предназначается не столько убиваемым, сколько остающимся в живых. И то и другое вселяет страх и усиливает действие соблазна: колеблет волю, будит страсти, искажает очевидность...

Вот почему надо признать, что внешнее насилие проявляет зло и закрепляет его действие, но зло совсем не определяется и не исчерпывается внешним насилием.

Таково правильно понятое соотношение между физическим понуждением, насилием и злом.

И. ИЛЬИН.

*Бывает, что всё удаётся.
Не пугайтесь, это пройдёт.* (Жюль Ренар)

*"Когда виновных слишком много,
все они остаются безнаказанными"*
(Маккиавелли)

Пока мы живы, можно всё исправить,
Всё осознать, раскаяться, простить.
Врагам не мстить, любимым не лукавить,
Друзей, что оттолкнули, вернуть.

Пока мы живы, можно оглянуться,
Увидеть путь, с которого сошли.
От страшных снов очнувшись, оттолкнуться
От пропасти, к которой подошли.

Пока мы живы... Многие ль сумели
Остановить любимых, что ушли?
Мы их простить при жизни не успели,
И попросить прощенья не смогли...

Тугая боль, - вины последний штрих, -
Скребёт, изводит холодом по коже.
За всё, что мы не сделали для них,
Они прощают. Мы себя - не можем...

Когда они уходят в тишину,
Туда, откуда точно нет возврата,
Порой хватает нескольких минут
Понять - о Боже, как мы виноваты!

И фото - чёрно-белое кино.
Усталые глаза - знакомым взглядом.
Они уже простили нас давно
За то, что слишком редко были рядом,

За не звонки, не встречи, не тепло.
Не лица перед нами, просто тени...
А сколько было сказано не то,
И не о том, и фразами не теми.

Эдуард АСАДОВ.

Февраль

Лес задумался о снеге,
Шалью зимнею покрыт,
Отдыхает ельник в неге,
А морозец всех бодрит.

В деревнях трещат заборы.
Всё как будто в дивном сне.
Кружевные омофоры
Выткал иней на окне.

Разожгу огонь я в печке,
Пусть поленья прогорят.
А у дома на крыльчке
Корки снежные хрустят.

Артём Миронов
"Свете Тихий"

Памяти Роберта Скотта

Крест среди снежной равнины.
Глыбы блестящего льда.
В праздничных фраках пингвины.
И ледяная вода.
Берег крушенья надежды.
Гавань разбитой мечты.
Манят они, как и прежде,
Тех, кто со смертью на «ты».
Знать, всё же дорого стоит -
Верить, страдать и искать,
Коль остаются герои
В снежной пустыне лежать.

Валерий Румянцев.
Россия.

От редакции: Подводя Итоги

Харбин - осколок России

Харбин, Харбин... Мне было четыре с половиной года, когда родители - как и все русские эмигранты - вынуждены были покинуть этот удивительный... осколок старой России. С тех пор мы ездили по свету: чужие страны, чужие языки и общество. И мы - всегда и везде - чужие...

Несмотря на то, что помню себя очень рано, о Харбине у меня только детские воспоминания. О настоящем Харбине знаю по рассказам родителей, родственников, а также - множества русских эмигрантов, и затем уже - из книг.

И всё же мне дорог этот город. Дорог уже хотя бы потому, что дух Харбина сопровождал нашу семью во всех странствиях по свету. Потому что дух Харбина - это был, в сущности, дух прежней, утраченной для нас России, то - из чего были сделаны отец а мать, и который жил - вольно или невольно - даже в нас, детях.

Именно это - стремление хотя бы нам с сестрой вернуть потерянную родину заставило когда-то родителей принять трудное решение: покинуть Польшу, Штетин, - где мы успели обосноваться по приезде из Харбина, и в 1958-м году отправиться в Новосибирск. Прошли четыре нерадостных для родителей года в «советской России», о которых они всю жизнь с грустью вспоминали: «Легче быть чужим среди чужих...»

А для меня лично...

Русский снег

Я тоскую по русскому снегу,
По искрящейся русской зиме,
По таёжному лыжному бегу
И бревенчатой старой избе.

Вспоминается детство далёкое
И трескучий сибирский мороз,
Возле дома - сугробы глубокие,
Воздух колет мне щёки и нос...

Мы для всех были - птицы залётные,
В те хрущёвские годы тепла:
Жизнь харбинцев была одинокая,
Полна горечи, холода, льда.

Не могу я забыть слёзы матери,
Не забудется горе отца:
«Для России мы жизнь бы потратили!
Всё бы отдали ей, до конца!»

И простились с Сибирью мы, снежной,
Оторвали мы РУСЬ от себя!
Но запомнились в памяти нежной
Мне - искристой Сибири снега...

январь 1998 г.

А потом была Австралия.

Декабрь 1964 года. Вспоминается утро на борту парохода «Галилео-Галилей» и первые очертания австралийской земли - далёкий, едва различимый в тумане, скалистый берег...

Не успел наш «Галилей» войти в Сиднейскую Гавань - как тут же мы угодили на австралийское Рождество. И сразу - нестерпимый зной и сизое небо, что, казалось, сидело на плечах. После Варшавского снега, австралийское лето - в декабре! - было настоящим шоком.

Ещё большим испытанием оказалась новая среда, школа: в то время австралийцы, не в обиду будь сказано, воспринимали иностранцев, особенно русских... с недоверием.

К русским харбинцам тоже заняло время привыкнуть: для меня, подростка, многое казалось необычным; да и мы, побывавшие в «Союзе», кому-то казались «советскими».

Однако, прошло немного времени, и общий харбинский дух стёр все границы, потому что не только взрослые, даже русская молодёжь, что уже слегка «обавстралиилась», - все они дышали воздухом дореволюционной России. Православные праздники, традиции, семейные встречи, русские школы и дома для престарелых, клубы, благотворительные вечера, концерты и постановки, молодёжные мероприятия - спектакли, лагеря... - одним словом, русская жизнь процветала. И всё это создавали они - высококультурные русские харбинцы.

Так Австралия стала нашим домом. Навсегда. Не боюсь этого слова, потому что именно тогда - в те далёкие годы, в Австралии - я по-настоящему поняла, что я тоже осколок Харбина, а значит, старой России. И ещё, потому что здесь я всегда могла - мы все могли - свободно исповедовать свою русскость, свою веру.

С тех пор прошло более 50-и лет. Появились дети, выросли внуки. Мои путешествия не закончились, но теперь они были счастливыми: по долгу службы, вместе с мужем, мы посетили много стран. И каждый раз, в конце пути, я с нетерпением рвалась «домой» - в Австралию,

чтобы снова услышать смех кукабарры, шорох эвкалиптов, почувствовать запах раскалённой земли. Чтобы там - в чуждой англоязычной среде - услышать чистую речь харбинцев и... почувствовать себя русской. И невольно, в память об этих поездках, рождались стихи: -

Испанское лето

Кабальеро. Испанское лето.
Пляска страстная. Юбок зарницы.
Жаркий взор. Каблуки. Кастаньеты.
Жизнь на плаху для донны-царицы.

Дикий зной. Необузданный нрав.
Бой неравный. И хрипы быков.
Стоны. Кровь. И последний покров.
Победитель бывает лишь прав...

Ласки жаркие. Бешеный взор.
Страсти яркие вспыхнут - и гаснут.
Кабальеро... Тореадор -
Свою жизнь погубил ты напрасно.

Монастырь. Монт-Серрата громада.
Тают в сумраке юбок зарницы...
Холод камня. Обрыв возле сада.
И Мадонна. И слёзы царицы...

6-8-2015

С годами, узнавая харбинцев ближе, - видя их достойное поведение и огромный, неоценимый вклад в развитие и культуру страны, - отношение местных австралийцев стало меняться в лучшую сторону. Ко многому они привыкли, и сейчас иные - в числе лучших друзей харбинцев. Немало и таких австралийцев, кто принял Православие, и даже духовный сан, кто-то стал членом семьи, как говорится, «родней-родного». Полюбили австралийцы и русскую литературу, и песни, особенно - кухню. Но самое главное: по сей день потомки харбинских эмигрантов не только продолжают трудиться на благо страны, - их достижения в области искусства, науки и техники создали мировое имя самим, и подняли престиж Австралии.

Искренно восхищаясь тем, что создавали русские харбинцы в Австралии на протяжении долгих десятилетий, мне также хотелось, по мере сил, внести свою лепту. Более 12 лет я преподавала в университете нашего штата, и там же, в Институте (при UQ) - русский язык как иностранный. Помимо работы как таковой, лично для меня - это был шанс донести до австралийцев красоту русской культуры; хотелось, чтобы они, не взирая на официальную политику, сумели понять и полюбить тысячелетнюю историю России и её народ. Также работала переводчицей. И ещё - более 30-и лет работала с детьми в русской прицерковной школе.

Пишу статьи, воспоминания, стихи, рассказы. Публиковалась как в австралийско-русской периодике, так и в России. Издала 4 своих сборника. Вот уже более 20 лет издаю литературный журнал «Жемчужина».

О «Жемчужине» всегда говорила: это мой скромный дар Харбинцам и - Русской Земле.

Дымок в тумане

Утренний туман над сквером.
Слёзы фонарей.
На углу - фигура в сером.
Примус у дверей.

Тянет ветром запах дыма -
Жарятся каштаны.
Но толпа проходит мимо.
Сырость и туманы.

Утренний туман густеет.
Старика шатает.
Примус. Огонёк лишь тлеет...
Тихо догорает.

Larissa. Greece.

Тамара Малеевская. Брисбен. 2017.

В С С Ы Л К Е

Старый Семен, прозванный Толковым, и молодой татарин, которого никто не знал по имени, сидели на берегу около костра; остальные три перевозчика находились в избе. Семен, старик лет шестидесяти, худощавый и беззубый, но широкий в плечах и на вид еще здоровый, был пьян; он давно бы уже пошел спать, но в кармане у него был полуштоф, и он боялся, как бы в избе молодцы не попросили у него водки. Татарин был болен, томился и, кутаясь в свои лохмотья, рассказывал, как хорошо в Симбирской губернии и какая у него осталась дома красивая и умная жена. Ему было лет двадцать пять, не больше, а теперь, при свете костра, он, бледный, с печальным болезненным лицом, казался мальчиком.

- Оно, конечно, тут не рай, - говорил Толковый. - Сам видишь: вода, голые берега, кругом глина и больше ничего... Святая давно уже прошла, а на реке лед идет, и утром нынче снег был.

- Худо! худо! - сказал татарин и огляделся с испугом.

Шагах в десяти текла темная холодная река; она ворчала, хлопала об изрытый глинистый берег и быстро неслась куда-то в далекое море. У самого берега темнела большая баржа, которую перевозчики называют "карбасом". Далеко на том берегу, потухая и переливаясь, змейками ползали огни: это жгли прошлогоднюю траву. А за змейками опять потемки. Слышно, как небольшие льдины стучат о баржу. Сыро, холодно...

Татарин взглянул на небо. Звезд так же много, как дома у него, такая же чернота кругом, но чего-то недостает. Дома, в Симбирской губернии, совсем не такие звезды и не такое небо.

- Худо! худо! - повторил он.

- Привыкнешь! - сказал Толковый и засмеялся. - Теперь ты еще молодой, глупый, молоко на губах не обсохло, и кажется тебе по глупости, что несчастней тебя человека нет, а придет время, сам скажешь: дай Бог всякому такой жизни. Ты на меня погляди. Через неделю времени пройдет вода и поставим тут паром, вы все пойдете по Сибири гулять, а я останусь и зачну ходить от берега к берегу. Уж двадцать два года так хожу. День и ночь. Щука и нельма под водой, а я над водой. И слава Богу. Ничего мне не надо. Дай Бог всякому такой жизни.

Татарин подложил в костер хворосту, лег поближе к огню и сказал:

- У меня отец хворый человек. Когда он помрет, мать и жена сюда приедут. Обещали.

- А на что тебе мать и жена? - спросил Толковый. - Одна глупость, брат. Это тебя бес смущает, язви его душу. Ты его не слушай, проклятого. Не давай ему воли. Он тебе насчет бабы, а ты ему назло: не желаю! Он тебе насчет воли, а ты упрись и - не желаю! Ничего не надо! Нету ни отца, ни матери, ни жены, ни воли, ни двора, ни кола! Ничего не надо, язви их душу!

Толковый потянул из бутылки и продолжал:

- Я, братуша, не мужик простой, не из хамского звания, а дьячковский сын и, когда на воле жил в Курске, в сюртуке ходил, а теперь довел себя до такой точки, что могу голый на земле спать и траву жрать. И дай Бог всякому такой жизни. Ничего мне не надо и никого я не боюсь, и так себя понимаю, что богаче и вольнее меня человека нет. Как прислали меня сюда из России, я с первого же дня уперся: ничего не хочу! Бес мне и про жену, и про родню, и про волю, а я ему: ничего мне не надо! Уперся на своем и вот, как видишь, хорошо живу, не жалуюсь. А ежели кто даст поблажку бесу и хоть раз послушается, тот пропал, нет ему спасения: завязнет в болоте по самую маковку и не вылезет. Не то, что ваш брат, глупый мужик, но и благородные и образованные пропадают. Лет пятнадцать назад прислали сюда из России одного барина. С братьями что-то там не поделил и в завещании фальшь сделал какую-то. Сказывали, из князей или баронов, а может, и просто из чиновников - кто его знает! Ну, приехал сюда барин и первым делом купил себе в Мухортинском дом и землю. "Хочу, говорит, своим трудом жить, в поте лица, потому что, говорит, я теперь не господин, а поселенец". Что ж, говорю, помогай Бог, дело хорошее. Человек он был тогда молодой, хлопотун, заботливый; сам и косил, бывало, и рыбу ловил, и верхом верст за шестьдесят ездил. Только вот беда: с первого же года стал ездить в Гырино, в почтовую контору. Стоит, бывало, у меня на пароме и вздыхает: "Эх, Семен, что-то долго не шлют мне из дому денег!" Не надо, говорю, Василий Сергеич, денег. К чему они? Вы старое-то бросьте, забудьте, как будто его вовсе не было, будто снилось оно только, а начинайте жить сызнова. Не слушайте, говорю, беса, - он до добра не доведет, в петлю затянет. Теперь вы денег желаете, говорю, а пройдет мало-мало времени и, гляди, чего другого захотите, а потом и еще и еще. Ежели, говорю, желаете для себя счастья, то первее всего ничего не желайте. Да... Уж ежели, говорю ему, нас с вами судьба обидела горько, то нечего у ней милости просить и кланяться ей в ножки, а надо пренебрегать и смеяться над ней. А то она сама насмеется. Так и говорю ему... Года через два перевозю я его на эту сторону, а он потирает руки и смеется. "Еду, говорит, в Гырино жену встречать. Пожалела, говорит, меня, приехала. Хорошая она у меня, добрая". А сам от радости даже запыхался. Вот через день едет с женой. Дама молодая, краси-

вая, в шляпке; на руках младенчик-девочка. И всякого багажу много. А Василий Сергеич мой вертится около нее, не наглядится и никак не нахвалится. "Да, брат Семен, и в Сибири люди живут!" Ну, думаю, ладно, не обрадуешься. И с той поры, почитай, каждую неделю, стал он в Ырино наведываться: не пришли ли из России деньги. Денег-то понадобилось пропасть. "Она, говорит, ради меня тут в Сибири свою молодость и красоту губит и, говорит, со мной мою горькую долю делит, и через это, говорит, я должен предоставлять ей всякое удовольствие..." Чтoб барыне веселей было, завел он знакомство с чиновниками и с шушерой всякой. А всю эту компанию, известно, кормить и поить надо, да чтoб и фортепьян был, и собачка лохматенькая на диване, - чтoб она издохла... Роскошь, одним словом, баловство. Прожила с ним барыня недолго. Где ей? Глина, вода, холодно, ни тебе овоща, ни фрукта, кругом необразованные да пьяные, никакого обхождения, а она дама балованная, столичная... Известно, соскучилась. Да и муж, как ни говори, уже не барин, а поселенец - не та честь. Года через три, помню, ночью под самый Успенъев день кричат с того берега. Пошел я туда на пароме, гляжу - барыня, вся окутавшись, а с ней молодой господин, из чиновников. Тройка... Перевез я их сюда, сели - и поминай, как звали! Только их и видели. А под утро Василий Сергеич скачет на паре. - "Не проезжала ли тут, Семен, моя жена с господином в очках?" Проезжала, говорю, - ищи ветра в поле! Поскакал он вдогонку, суток пять гнался. Когда после перевозил я его на ту сторону, он повалился на паром и давай головой биться о доски и выть. То-то вот, говорю, и есть. Смеюсь и припоминаю ему: "И в Сибири люди живут!" А он еще пуще бьется... Потом это захотелось ему воли. Жена в Россию подалась, и его, значит, туда потянуло, чтoб ее повидать и от любовника вызволить. И стал он, братец ты мой, чуть не каждый день скакать то на почту, то в город к начальству. Всѣ прошения посылал и подавал, чтoб его помиловали и назад домой вернули, и сказывал он, на одни телеграммы у него рублей двести пошло. Землю продал, дом жидам заложил. Сам поседел, сторбился, с лица желтый стал, словно чахоточный. Говорит с тобою, а сам: кхе-кхе-кхе... и слезы на глазах. Промаялся так с прошениями годов восемь, а теперь опять ожил и веселый стал: новое баловство придумал. Дочка, видишь, выросла. Глядит на нее и не надышится. А она, правду говорить, ничего себе: красивенькая, чернобровая и нрава бойкого. Каждое воскресенье он в Ырино ездит с ней в церковь. Стоят оба на пароме рядышком, она смеется, а он с нее глаз не сводит. "Да, говорит, Семен, и в Сибири люди живут. И в Сибири бывает счастье. Погляди-ка, говорит, какая у меня дочка! Чай, другой такой и за тысячу верст не сыщешь". Дочка, говорю, хорошая, это верно, действительно... А сам про себя думаю: "Ужо погоди... Девка она молодая, кровь играет, жить хочется, а какая тут жизнь?" И стала, брат, она тосковать... Чахла-чахла, извелась вся, заболела и теперь без задних ног. Чахотка. Вот тебе и сибирское счастье, язви его душу, вот тебе и в Сибири люди живут... Стал он всѣ по докторам ездить и возить их к себе. Как заслышит, что верст за двести или за триста есть доктор или знахарь, так и едет за ним. Страсть сколько денег на докторов ушло, а уж по-моему лучше пропить эти деньги... Всѣ равно помрет. Помрет она всенепременно, а он тогда совсем пропал. Повесится с тоски или в Россию убежит - дело известное. Убежит, а его поймают, потом суд, каторга, плетей попробует...

- Хорошо, хорошо, - пробормотал татарин, пожимаясь от озноба.

- Что хорошо? - спросил Толковый.

- Жена, дочка... Пускай каторга и пускай тоска, зато он видал и жену и дочку... Ты говоришь, ничего не надо. Но ничего - худо! Жена прожила с ним три года - это ему Бог подарил. Ничего - худо, а три года - хорошо. Как не понимай?

Дрожа, с напряжением подбирая русские слова, которых он знал немного, и заикаясь, татарин заговорил о том, что не приведи Бог захворать на чужой стороне, умереть и быть зарытым в холодной ржавой земле, что если бы жена приехала к нему хотя на один день и даже на один час, то за такое счастье он согласился бы принять какие угодно муки и благодарил бы Бога. Лучше один день счастья, чем ничего.

Затем он опять рассказал, какая у него осталась дома красивая и умная жена, потом, взявшись обеими руками за голову, он заплакал и стал уверять Семена, что он ни в чем не виноват и терпит напраслину. Его два брата и дядя увели у мужика лошадей и избили старика до полу-смерти, а общество рассудило не по совести и составило приговор, по которому пошли в Сибирь все три брата, а дядя, богатый человек, остался дома.

- Привы-ыкнешь! - сказал Семен.

Татарин замолчал и уставился заплаканными глазами на огонь; лицо у него выражало недоумение и испуг, как будто он всѣ еще не понимал, зачем он здесь в темноте и в сырости, около чужих людей, а не в Симбирской губернии. Толковый лег около огня, чему-то усмехнулся и затянул вполголоса песню.

- Что ей за радость с отцом-то? - проговорил он, немного погодя. - Он ее любит, утешается, это точно; но, брат, тоже пальца в рот ему не клади: строгий старик, крутой старик. А молодым девкам не строгость нужна... Им нужна ласка да ха-ха-ха, да хи-хо-хо, духи да помада. Да... Эх,

дела, дела! - вздохнул Семен и тяжело поднялся. - Водка вся вышла, значит, спать пора. А? Пойду, брат...

Оставшись один, татарин подложил хворосту, лег и, глядя на огонь, стал думать о родной деревне и о своей жене; приехала бы жена хоть на месяц, хоть на день, а там, если хочет, пусть уезжает назад! Лучше месяц или даже день, чем ничего. Но если жена сдержит обещание и придет, то чем ее придется кормить? Где она будет тут жить?

- Если нет чего-чего кушать, то как живи? - спросил вслух татарин.

За то, что он теперь день и ночь работал веслом, ему платили только десять копеек в сутки; правда, проезжие давали на чай и на водку, но ребята делили весь доход между собой, а татарину ничего не давали и только смеялись над ним. А от нужды голодно, холодно и страшно... Теперь бы, когда всё тело болит и дрожит, пойти в избушку и лечь спать, но там укрыться нечем и холоднее, чем на берегу; здесь тоже нечем укрыться, но всё же можно хоть костер развести...

Через неделю, когда вода совсем спадет и поставят тут паром, все перевозчики, кроме Семена, станут уже не нужны, и татарин начнет ходить из деревни в деревню и просить милостыни и работы. Жене только семнадцать лет; она красивая, избалованная, застенчивая, - неужели и она будет ходить по деревням с открытым лицом и просить милостыню? Нет, об этом даже подумать страшно...

Уже светало; ясно обозначались баржа, кусты тальника на воде и зыбь, а назад оглянуться - там глинистый обрыв, внизу избушка, крытая бурою соломой, а выше лепятся деревенские избы. На деревне уже пели петухи.

Рыжий глинистый обрыв, баржа, река, чужие, недобрые люди, голод, холод, болезни - быть может, всего этого нет на самом деле. Вероятно, всё это только снится, - думал татарин. Он чувствовал, что спит, и слышал свой храп... Конечно, он дома, в Симбирской губернии, и стоит ему только назвать жену по имени, как она откликнется; а в соседней комнате мать... Однако, какие бывают страшные сны! К чему они? Татарин улыбнулся и открыл глаза. Какая это река? Волга?

Шел снег.

- Подава-ай! - кричал кто-то на той стороне. - Карба-а-ас!

Татарин очнулся и пошел будить товарищей, чтобы плыть на ту сторону. Надевая на ходу рваные тулупы, бранясь хриплыми спросонкок голосами и пожимаясь от холода, показались на берегу перевозчики. После сна река, от которой веяло пронизывающим холодом, по-видимому, казалась им отвратительной и жуткой. Не спеша попрыгали они в карбас... Татарин и три перевозчика взяли за длинные весла с широкими лопастями, похожие в потемках на рачьи клешни, Семен навалился животом на длинный руль. А на той стороне всё еще продолжали кричать и два раза выстрелили из револьвера, думая, вероятно, что перевозчики спят или ушли на деревню, в кабак.

- Ладно, успеешь! - проговорил Толковый тоном человека, убежденного, что на этом свете нет надобности спешить - всё равно, мол, толку не выйдет.

Тяжелая неуклюжая баржа отделилась от берега и поплыла меж кустов тальника, и только по тому, что тальник медленно уходил назад, заметно было, что она не стояла на одном месте, а двигалась. Перевозчики мерно, враз, взмахивали веслами; Толковый лежал животом на руле и, описывая в воздухе дугу, летал с одного борта на другой. Было в потемках похоже на то, как будто люди сидели на каком-то допотопном животном с длинными лапами и уплывали на нем в холодную унылую страну, ту самую, которая иногда снится во время кошмара.

Миновали тальник, выплыли на простор. На том берегу уже слышали стук и мерное плесканье весел и кричали: "Скорей! скорей!" Прошло еще минут с десять, и баржа тяжело ударила о пристань.

- И всё оно сыплет, и всё оно сыплет! - бормотал Семен, вытирая с лица снег. - И откуда оно берется, Бог его знает!

На той стороне ждал худощавый, невысокого роста старик в полушубке на лисьем меху и в белой мерлушковой шапке. Он стоял поодаль от лошадей и не двигался; у него было угрюмое, сосредоточенное выражение, как будто он старался что-то вспомнить и сердился на свою непослушную память. Когда Семен подошел к нему и, улыбаясь, снял шапку, то он сказал:

- Спешу в Анастасьевку. Дочери опять хуже, а в Анастасьевку, говорят, нового доктора назначили.

Втащили тарантас на баржу и поплыли назад. Человек, которого Семен назвал Василием Сергеевичем, всё время, пока плыли, стоял неподвижно, крепко сжав свои толстые губы и глядя в одну точку; когда ямщик попросил у него позволения покурить в его присутствии, он ничего не ответил, точно не слышал. А Семен, лежа животом на руле, насмешливо глядел на него и говорил:

- И в Сибири люди живут. Живу-ут!

На лице у Толкового было торжествующее выражение, как будто он что-то доказал и будто радовался, что вышло именно так, как он предполагал.

Несчастный, беспомощный вид человека в полушубке на лисьем меху, по-видимому, доставлял ему большое удовольствие.

- Грязно теперь ехать, Василий Сергеич, - сказал он, когда на берегу запрягали лошадей. - Погодили бы ездить еще недельки с две, пока суше станет. А то и вовсе бы не ездили... Ежели бы толк какой от езды был, а то, сами извольте знать, люди веки вечные ездят, и днем и ночью, а всё никакого толку. Право!

Василий Сергеич молча дал на водку, сел в тарантас и поехал дальше.

- Вот, за доктором поскакал! - сказал Семен, пожимаясь от холода. - Да, ищи настоящего доктора, догоняй ветра в поле, хватай чёрта за хвост, язви твою душу! Экие чудачки, Господи, прости меня грешного!

Татарин подошел к Толковому и, глядя на него с ненавистью и с отвращением, дрожа и примешивая к своей ломаной речи татарские слова, заговорил:

- Он хорошо... хорошо, а ты - худо! Ты худо! Барин хорошая душа, отличный, а ты зверь, ты худо! Барин живой, а ты дохлый... Бог создал человека, чтоб живой был, чтоб и радость была, и тоска была, и горе было, а ты хочешь ничего, значит, ты не живой, а камень, глина! Камню надо ничего и тебе ничего... Ты камень - и Бог тебя не любит, а барина любит!

Все засмеялись; татарин брезгливо поморщился, махнул рукой и, кутаясь в свои лохмотья, пошел к костру. Перевозчики и Семен поплелись в избушку.

- Холодно! - прохрипел один перевозчик, растягиваясь на соломе, которою был покрыт сырой глинистый пол.

- Да, не тепло! - согласился другой. - Жизнь каторжная!..

Все улеглись. Дверь отворилась от ветра, и в избушку понесло снегом. Встать и затворить дверь никому не хотелось: было холодно и лень.

- А мне хорошо! - проговорил Семен засыпая. - Дай Бог всякому такой жизни.

- Ты, известно, семикаторжный. Тебя и черти не берут.

Со двора послышались звуки, похожие на собачий вой.

- Что это? Кто это там?

- Это татарин плачет.

- Ишь ты... Чудак!

- Привы-ыкнет! - сказал Семен и тотчас же заснул.

Скоро заснули и остальные. А дверь так и осталась не затворенной.

А.П. ЧЕХОВ

Легче убить льва, чем вывести клопов. (К. Буни)

АКВАРЕЛИ

Январь. Ни неба, ни туч. Только белёсая пелена. Дождики. Мокро. Нудно.

Всё! Хочу лютый холод и литой могучий лёд на Амуре. Сейчас напишу настоящий снежный пейзаж.

...Самые трескучие морозы - утренники. Пред рассветом на стылых деревьях накапливает опока - косматая изморозь. От неслышных ветерков лёгкие кудельки тихо опадают, их нежные охапочки блее белых снегов.

К полудню небо ярко-синее, порою фиалковое, солнце в иголочках зимней радуги. Девчонки варежки к щёчкам прикладывают, озябшие пальчики дыханием греют. Вокруг румяных лиц на пушистых шальях и шапках каждая ворсинка в инее. И на тяжёлых ресницах иней: ах, какими сказочными бриллиантами лучится сквозь них зима...

Но отчего я о зиме? Почему не о лете?

...Уж поверьте, только на моём Амуре бывает летом такое глубокое небо.

Уйти в прибрежную степь и навзничь лечь. Зажать в зубах твёрдую травинку. Смотреть в непостижимую синеву, очаровываясь тихим движением клубящихся облаков. Слушать тонкие трели невидимых птиц, стрекот кузнечиков, звон цикад, громкий шорох крыльев стрекоз, тёплые порывы ветра, доносящие далёкий гвалт речных чаек. Вдыхать волшебные запахи диких цветов...

Импрессии. Есть такая техника в живописи - акварелью по мокрому, пейзажи ею делаются лёгкими прикосновениями тонкой кисти.

Александр Герасимов.

СНЕГОПАД

Тишина выпадает без зова, и взгляда, и жеста.
 Тишина невесома, без времени, запаха, места.
 Тишиною лечусь, как завидным, редчайшим лекарством.
 Тишиной открываю я двери в февральское царство.
 Тишины ниспадает покров осторожный и мягкий
 на мою распушённую гриву заснеженной мавки.
 Так лучист этот полог, воздушен, засвечен, безбрежен
 и, как утренний сон малыша, глубоко безмятежен.
 Я вмещаю его, это робкое зимнее чудо,
 не поняв, ни за что мне оно снизошло, ни откуда
 этот сказочный лес, эти лёгкие белые перья.
 В тишину я расту, в тишину раскрываюсь теперь я.

© Светлана Скорик.

*Мавка - персонаж украинской мифологии,
 злой дух, русалка. По ряду признаков близка русалке.*

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

Вдали от шума, фарисейства,
 В глухой пещерке обретаясь,
 Рожденье Сына зрит Семейство,
 Как тайну-тайн, с бессмертьем связь!
 Их лики святостью велики,
 Их созерцать достойно вновь!
 А в яслях - пеленами свитый
 Само Блаженство и Любовь!
 И в Рождество волшебной ночи,
 Под ликование пастухов,
 Мир вдруг узрел Того воочию,
 Кто есмь Начало всех веков!
 Кто есть Источник жизни нашей,
 Кто - Истина и Благодать,
 Кто в Таинстве незримом в Чаше
 Дарит путь к вечности опять!..
 И в ночь, когда земля проснётся,
 Седьмым заснеженным числом,
 Над всей Вселенной пронесётся:
 «Всех вас с Христовым Рождеством!»

Владимир Невярович

*Слово - серебро,
 молчанье - золото...*

Серебро легло на золото,
 Скрыв резные изразцы:
 Что так радовало смолоду
 Превратилось в студенцы.

Ну да нас, привыкших сдерживать
 Сожаленья о былом,
 Не смутит безлистость дерева –
 Ветки остры наголо!

Ничего... Во льду ли, в инее,
 Древесина ли, душа,
 Коротаем ночи длинные,
 Падать духом не спеша.

Серебро легло на золото -
 Красота на красоту.
 Стынут души не от холода, -
 Грейте словом немоту.

Светлана Тишкина

Однажды возлюбленный пришел к дому своей Возлюбленной. Он постучал в дверь. «Кто там?», - спросила Возлюбленная. Человек ответил: «Это я, любящий тебя». - «Уходи, - сказала Возлюбленная, - на самом деле ты не влюблен». Прошли годы, возлюбленный снова пришел в дверям своей Возлюбленной и постучал. «Кто там?», - спросила Возлюбленная. На этот раз человек ответил: «Это ты». - «Теперь, когда ты - это я, - ответила Возлюбленная, - ты можешь войти». *Джалаладдин Руми.*

Когда рак свистнул

Рождественский ужас

Елка догорела, гости разъехались.

Маленький Петя Жаботыкин старательно выдирает мочальный хвост у новой лошадки и прислушивается к разговору родителей, убиравших бусы и звезды, чтобы припрятать их до будущего года. А разговор был интересный.

- Последний раз делаю елку, - говорил папа Жаботыкин. - Один расход, и удовольствия никакого.

- Я думала, твой отец пришлет нам что-нибудь к празднику, - вставила мама Жаботыкина.

- Да, черта с два! Пришлет, когда рак свистнет.

- А я думал, что он мне живую лошадку подарит, - поднял голову Петя.

- Да, черта с два! Когда рак свистнет.

Папа сидел, широко расставив ноги и опустив голову. Усы у него повисли, словно мокрые, бараны глаза уныло уставились в одну точку.

Петя взглянул на отца и решил, что сейчас можно безопасно с ним побеседовать.

- Папа, отчего рак?

- Гм?

- Когда рак свистнет, тогда, значит, все будет?

- Гм!...

- А когда он свистит?

Отец уже собрался было ответить откровенно на вопрос сына, но, вспомнив, что долг отца быть строгим, дал Пете легонький подзатыльник и сказал:

- Пошел спать, поросенок!

Петя спать пошел, но думать про рака не перестал. Напротив, мысль эта так засела у него в голове, что вся остальная жизнь утратила всякий интерес. Лошадки стояли с невыдранными хвостами, из заводного солдата пружина осталась невыломанной, в паяце пищалка сидела на своем месте - под ложечкой, - словом, всюду мерзость запустения. Потому что хозяину было не до этой ерунды. Он ходил и раздумывал, как бы так сделать, чтобы рак поскорее свистнул.

Пошел на кухню, посоветовался с кухаркой Секлетиньей. Она сказала:

- Не свистит, потому что у него губов нетути. Как губу наростит, так и свистнет.

Больше ни она, ни кто-либо другой ничего объяснить не могли.

Стал Петя расти, стал больше задумываться.

“Почему-нибудь да говорят же, что коли свистнет, так все и исполнится, чего хочешь”.

Если бы рачий свист был только символ невозможности, то почему же не говорят: «когда слон полетит» или «когда корова зачирикает». Нет! Здесь чувствуется глубокая народная мудрость. Этого дела так оставить нельзя. Рак свистнуть не может, потому что у него и легких-то нету. Пусть так! Но неужели же не может наука воздействовать на рачий организм и путем подбора и различных влияний заставить его обзавестись легкими.

Всю свою жизнь посвятил он этому вопросу. Занимался оккультизмом, чтобы уяснить себе мистическую связь между рачьим свистом и человеческим счастьем. Изучал строение рака, его жизнь, нравы, происхождение и возможности.

Женился, но счастлив не был. Он ненавидел жену за то, что та дышала легкими, которых у рака не было. Развелся с женой и всю остальную жизнь служил идее.

Умирая, сказал сыну:

- Сын мой! Слушайся моего завета. Работай для счастья ближних твоих. Изучай рачье телосложение, следи за раком, заставь его, мерзавца, изменить свою натуру. Оккультные науки открыли мне, что с каждым рачьим свистом будет исполняться одно из самых горячих и искренних человеческих желаний. Можешь ли ты теперь думать о чем-либо, кроме этого свиста, если ты не подлец! Близорукие людишки строят больницы и думают, что облагодетельствовали ближних. Конечно, это легче, чем изменить натуру рака. Но мы, мы - Жаботыкины, из поколения в поколение будем работать и добьемся своего!

Когда он умер, сын взял на себя продолжение отцовского дела. Над этим же работал и правнук его, а праправнук, находя, что в России трудно заниматься серьезной научной работой, переехал в Америку. Американцы не любят длинных имен и скоро перекрестила Жаботыкина в мистера Джеба, и, таким образом, эта славная линия совсем затерялась и скрылась от внимания русских родственников.

Прошло много, очень много лет. Много на свете изменилось, но степень счастья человеческого осталась ровно в том же положении, в каком была в тот день, когда Петя Жаботыкин, выдирая у лошадки мочальный хвост, спрашивал:

- Папа, отчего рак?

По-прежнему люди желали больше, чем получали, и по-прежнему сторали в своих несбыточных желаниях и мучились.

Но вот стало появляться в газетах странное воззвание:

«Люди! Готовьтесь! Труды многих поколений движутся к концу! Акционерное общество «Мистер Джеб энд компани» объявляет, что 25 декабря сего года в первый раз свистнет рак, и исполнится самое горячее желание каждого из ста человек (1%). Готовьтесь!»

Сначала люди не придавали большого значения этому объявлению. «Вот, - думали, - верно, какое-нибудь мошенничество. Какая-то американская фирма чудеса обещает, а все сведется к тому, чтобы прорекламировать новую вакцину. Знаем мы их!»

Но чем ближе подступал обещанный срок, тем чаще стали призадумываться над американской затеей, покачивали головой и высказывались надвое.

А когда новость подхватили газеты и поместили портрет великого изобретателя и снимок с его лаборатории во всех разрезах, никто уже не боялся признаться, что верит в грядущее чудо.

Вскоре появилось и изображение рака, который обещал свистнуть. Он был скорее похож на станкового пристава из Юго-Западного края, чем на животное хладнокровное. Выпученные глаза, лихие усы, выражение лица бравое. Одет он был в какую-то вязаную куртку со шнурками, а хвост не то был спрятан в какую-то вату, не то его и вовсе не было.

Изображение это пользовалось большой популярностью. Его отпечатывали и на почтовых открытках, раскрашенное в самые фантастические цвета, - зеленый с голубыми глазами, лиловый в золотых блесках и т. д. Новая рябиновая водка носила ярлык с его портретом. Новый русский дирижабль имел его форму и пятился назад. Ни одна уважающая себя дама не позволяла себе надеть шляпу без рачьих клешней на гарнировке.

Осенью компания «Мистер Джеб энд компани» выпустила первые акции, которые так быстро пошли в гору, что самые солидные биржевые «зайцы» стали говорить о них почтительным шепотом.

Время шло, бежало, летело. В начале октября сорок две граммофонные фирмы выслали в Америку своих представителей, чтобы записать и обнародовать по всему миру первый рачий свист.

25 декабря утром никто не заспался. Многие даже не ложились, высчитывая и споря, через сколько секунд может на нашем меридиане воздействовать свист, раздавшийся в Америке. Одни говорили, что для этого пойдет времени не больше, чем для электрической передачи. Другие кричали, что астральный ток быстрее электрического, а так как здесь дело идет, конечно, об астральном токе, а не о каком-нибудь другом, то... и так далее.

С восьми часов утра улицы кишели народом. Конные городовые благодушно наседали на публику лошадиными задами, а публика радостно гудела и ждала. Объявлено было, что тотчас по получении первой телеграммы дан будет пушечный выстрел.

Ждали, волновались. Восторженная молодежь громко ликовала, строя лучезарные планы. Скептики кряхтели и советовали лучше идти домой и позавтракать, потому что, само собой разумеется, ровно ничего не будет, и дураков валять довольно глупо.

Ровно в два часа дня раздался ясный и гулкий пушечный выстрел, и в ответ ему ахнули тысячи радостных вздохов.

Но тут произошло что-то странное, непредвиденное необычное, что-то такое, в чем никто не смог и не хотел увидеть звена сковывавшей всех цепи: какой-то высокий толстый полковник вдруг стал как-то странно вдваться, точно нарочно; он весь разбух, слился в продолговатый шар; вот затрещало пальто, треснул шов на спине, и, словно радуясь, что преодолел неприятное препятствие, полковник звонко лопнул и разлетелся брызгами во все стороны.

Толпа шарахнулась. Многие, взвизгнув, бросились бежать.

- Что такое? Что же это?

Бледный солдатик, криво улыбаясь трясущимися губами, почесал за ухом и махнул рукой:

- Вяжи, ребята! Мой грех! Я ему пожелал: «Чтоб те лопнуть!»

Но никто не слушал и не трогал его, потому что все в ужасе смотрели на дико визжавшую длинную старуху в лисьей ротонде; она вдруг закружилась и на глазах у всех словно юркнула в землю.

- Провалилась, подлая! - напутственно прошамкали чьи-то губы.

Безумная паника охватила толпу. Бежали, сами не зная куда, опрокидывая и топча друг друга. Слышался предсмертный храп двух баб, подавившихся собственными языками, а над ними громкий вой старика:

- Бейте меня, православные! Моя волюшка в этих бабах дохнет!

Жуткая ночь сменила кошмарный вечер. Никто не спал. Вспоминали собственные черные желания и ждали исполнения над собою чужих желаний.

Люди гибли как мухи. В целом свете только одна какая-то девчонка в Северной Гвинее выиграла от рачьего свиста: у нее прошел насморк по желанию тетки, которой она надоела беспрерывным чиханьем. Все остальные добрые желанья (если только они были) оказались слишком вялыми и холодными, чтобы рак мог насвистать их исполнение.

Человечество быстрыми шагами шло к гибели и погибло бы окончательно, если бы не жадность «Мистера Джеба энд компани», которые, желая еще более вздуть свои акции, переутомили рака, понуждая его к непосильному свисту электрическим раздражением и специальными пилюлями.

Рак сдох.

На могильном памятнике его (работы знаменитого скульптора по премированной модели) напечатана надпись:

*«Здесь покоится свистнувший экземпляр рака -
собственность «Мистера Джеба энд компани»,
утоливший души человеческие и насытивший пламеннейшие их желанья.
- Не просыпайся!»*

*Незавидна участь того, кому
никто не завидует" (Эсхил)*

Вот и снова зима. Белокрылая птица-орлица
Снова в зыбке качает до свету метельный Орёл.
От Полесья до Мценска, от Брянской до Курской границы
Круговерть до небес, не сыскать городишек и сёл.
Иногда вдруг голодной, усталой от бега волчицей,
Вдруг сверкнёт в полудиком оскале луна.
Кто-то грузный и злой станет в двери медведем ломиться
И тереть, и скрести рукавицей о наледь окна.
А к рассвету сугробы упруги, как девичьи груди.
Перемёрзлой брусникою брызжет каляный восток.
И гуляка-ветрище, как пёс беспризорный, приبلудный,
Наконец, отсыпаться завалится в клеверный стог.
И потянет в просторы, где наст серебристый и хрусткий.
Не беда, что до звона колючая ломкая стынь.
Станет вдруг горячо и светло на душе средне-русской
Оттого, что в бору о любви раскричались клесты.

Татьяна ГРИБАНОВА.

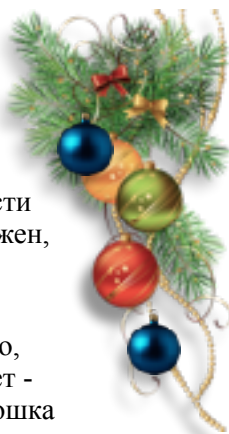

А холодно не только от погоды:
От снега, или дождика сырого -
Мы замерзаем, проживая годы
Не понимая важности простого -

Не в деньгах радость, чине или власти
Им дела нет - здоров ты иль простужен,
Простое человеческое счастье -
Когда есть те, кому ты очень нужен.

Кто ждет тебя домой, глядя в окошко,
И без притворства сердцем обнимает -
Не страшно, если в доме хлеба - крошка
Страшней, когда любви там не бывает...

Сергей Лапыткин

Надежда Тэффи.

*Если бы другие не были дураками,
мы были бы ими. (У. Блейк)*

Влюбляются не в лица, не в фигуры,
И дело, как ни странно, не в ногах.
Влюбляются в тончайшие натуры
И трещинки на розовых губах.
Влюбляются в шероховатость кожи,
В изгибы плеч и легкий холод рук,
В глаза, что на другие не похожи,
И в пулеметно-быстрый сердца стук.
Влюбляются во взмах ресниц недлинных
И родинки на худеньких плечах,
В созвездие веснушек чьих-то дивных
И ямочки на бархатных щеках.
Влюбляются не в лица, не в фигуры -
Они всего лишь маски, миражи.
Влюбляются надолго лишь в натуры,
Влюбляются в мелодии души.

Анна Шаркунова.

МАЭСТРО

Рассказ.

Нина Ивановна, спустя много-много лет, всё-таки вернулась однажды в Ильинку. В храме она остановилась перед кануном, сжимая в руке пучок простеньких свечек; зажигая и расставляя их, шептала имена, на мгновение воскрешая в памяти полузабытые лица давно ушедших. Вошла сегодня в храм Нина Ивановна без опаски, не остерегаясь осуждающего чужого глаза, не как в далёкой юности...

Тогда все её ещё звали просто Нинкой, Ниночкой. Она собиралась идти учиться в десятый класс, когда её отца, подполковника, заместителя командира танковой части, из города в Подмосковье перевели в глухую северную глубинку. Нинка с мамой особо не отчаивались, собрались быстро: что поделывать, судьба военная такая. Да и отца с войны четыре года ждали, вернулись совсем недавно.

Нинка теперь после уроков в новой школе, бывшем купеческом особняке в центре городка, домой не мчалась как угорелая: не мелочь пузатая уже; а вышагивала, не торопясь, в окружении сверстников, форсисто задрав носик и помахивая портфельчиком в руке. Голову рослой Нинки украшала свёрнутая в тяжелую корону русая коса.

Ближе к околице ватага сверстников таяла. Дальше девчонке по полевой дороге, вдоль жидкого перелеска, до бараков воинской части предстояло бежать одной. Из мальчишек-одноклассников в провожатые пока никто не набивался, видимо, робея Нинкиного городского гонора и под стать ему характера.

Миновав околицу, Нинка прибавляла шаг, потом уж чуть ли не бежала. От заносчивой девчонки не оставалось и следа, мчалась как последняя трусишка. Ещё бы: в продуваемом насквозь ветром редком перелеске начинала мелькать согбенная мужская фигура с длинными включенными космами волос на голове. Незнакомец, выглядывая из-за стволов деревьев, передвигался по перелеску ничуть не медленнее Нинки, вынужденной перескакивать и обегать дорожные ухабы, заполненные водой. Девчонка, хоть и боялась попристальнее взглянуть в его сторону, всё-таки успела рассмотреть его лицо с вытаращенными глазами и облепленное клочками седеющей щетины. Домой Нинка заскакивала - не помнила как...

Она стала брать провожатых парней: уговаривать их не пришлось - тряхнула косой, и тут же побежали наперебой. По перелеску теперь никто не метался, лишь раз мелькнула в стороне знакомая фигура и пропала.

Нинка вздрогнула и испуганно заозиралась.

- Яшки, что ли, боишься? - спросил один из провожатых кавалеров. - Так это наш дурачок, безобидный и добрый. Ничего худого не сделает.

И вправду Яшка к Нинке по-прежнему близко не подходил, только выглядывал её, прячась, из-за углов, и Нинка скоро стала привыкать к такому странному вниманию. Иногда и ей самой доводилось незаметно понаблюдать за своим неожиданным «поклонником».

У Яшки было, видимо, что-то неладное с ногами: развернутыми в разные стороны ступнями он вздымал клубы пыли, неуклюже переваливаясь по подсушенной еще почти летним солнцем улице. Но передвигался довольно быстро, наклонив вперед голову с нечесаной гривой волос. Было Яшке за тридцать, сильно старила его борода с нашлепками седины. На лице его, казалось, застыла навсегда блаженная улыбка, хотя большие чёрные глаза смотрели с печалью.

Выскакивали из подворотен брехучие псы, норовили ухватить Яшку за штанины; мальчишки-мелюзга, дразнясь, бежали следом за ним и пуляли камушками. Яшка - хоть бы что: скаля зубы, упрямо пёр вперед...

Жил он в сторожке на краю погоста возле Ильинки: старик сторож потеснился, уступив на время убогому чуланчик, а тот так в нем и остался. Старушонки прихожанки Яшку, жалея, подкармливали, да и сам он не слонялся без дел, а их в приходском хозяйстве - пруд пруди.

Вот так же, жалеючи и чуть с насмешкою, однажды провожала взглядом Нинка бедолагу, несущегося куда-то по улице.

Нинка и сама спешила - на «осенний бал» в городковском доме культуры. В новом платьице, стесняясь накинутого на плечи старенького мамино пальто, она старательно обходила лужи, чтобы не запачкать туфли. Предстояли не какие-то школьные танцульки, а настоящий, первый в жизни «взрослый» бал. К «дому культуры», расквартировавшемуся в стенах церковного собора, она пришла одной из последних. Постояла в нерешительности перед входом в здание со сбитыми куполами, перешагнула порог, заметив проступающую сквозь побелку фреску со святым ликом над аркой входа.

Стены внутри собора, высокий свод тоже тоже были наглухо забелены, но лики святых всё равно проявлялись тут и там. Новые хозяева здания пытались их прикрыть кумачовыми полотнищами с наляпанными наспех в «духе времени» лозунгами.

Молодежь толпилась у дальней стены возле штабеля составленных друг на дружку длинных лавок для зрителей - кино показывать сегодня не собирались. На деревянном помосте сцены, устроенном в алтаре, резвились, выплясывая, девки в красных косынках из агитбригады; потом что-то, жутко фальшивя, попытался исполнить местный духовой оркестр.

И наконец... Заскучавшая Нинка даже растерялась, увидев на сцене... Яшку. В чистом, явно с чужого плеча костюме, с аккуратно причесанными волосами и подстриженной бородкой, он неуклюже проковылял к роялю, громоздившемуся в углу сцены, сел на табуретку, все с прежней своей блаженной улыбкой поднял над клавиатурой руки с длинными пальцами - и когда их опустил... Звуки вальса взметнулись и разлились под соборными сводами; по упразднённым властями Божьему храму закрутились в стремительном танце пары.

Нинку пригласил молодой красавец-лейтенант из отцовского гарнизона. Увлеченная танцем, она всё время чувствовала на себе Яшкин взгляд, хотя, казалось, что за роялем он забыл обо всём на свете, без усталости играя весь долгий вечер.

Все остались довольны - и танцоры, и любители, подперев плечом стенку, просто поглазеть. Только непонятно было Нинке: почему это в своем углу, что-то шепча, украдкой крестилась бабка-билетёрша...

Яшка после того вечера куда-то пропал; Нинка забеспокоилась даже. Будто чего-то не стало хватать в этом маленьком городке. И ноги её как-то сами собой принесли к ограде Ильинки, где в сторожке обитал Яшка. В храм она не зашла, побоялась: отличница, комсомолка - мало что накажут, но и ещё за «свихнувшуюся» посчитают.

У ворот Нинке встретила старушка-билетёрша из «дома культуры».

- Я уж, милая, подумала на тебя, что это наша Настенька воскресла! - воскликнула она, всматриваясь пристально Нинке в лицо.

- А кто она была?

- Дочка здешнего диакона.

Старушка поозиралась, взяла Нинку за руку и отвела на укромную лавочку, спрятанную в ещё не облетевших кустах у ограды.

- Перед войной, в тридцать седьмом, их всех «забрали». Настенька-то от отца не отреклась - и её тоже. И Яшкиного родителя, отца Игнатия, со старшими сыновьями. Яшке-то младшему, «заскрёбышку», особенный талант к музыке Господь дал. Парня даже в консерваторию в Петербург учиться взяли. А потом тоже - в тюрьму... - Старушка заговорила ещё тише: - И вот Яшка вернулся - то ли отпустили, то ли сбежал. Ноги обморозил. Прибёт домой, а родных никого в живых нет! Всех! Он на колокольню взобрался и сиганул вниз. С горя. Грех смертный задумал совершить, самоубийство. Но жив остался. Господь безумием его наказал, только талант не отнял, оставил... А Настенька-то невестой его была обручённой. И ты - вылитая она!

- Где сейчас он... Яшка? - спросила растерянная и потрясённая старухиным рассказом Нинка.

- Лежит, вон - в сторожке, едва живой... Он после каждого такого своего выступления болеет тяжело. Вот ведь судьба: памятью от прежней жизни один рояль у него остался; и в соборе, где отец настоятелем служил, играть для публики ему приходится. Страдает он, хоть и не в себе давно...

Нинка поднялась с лавочки и хотела пойти в сторожку проведать Яшку, но старушка удержала её:

- Лучше тебе, девонька, его сейчас не видеть! Он ещё хуже, чем есть...

Дома Нинку ожидал радостный, взволнованный отец:

- Собирайся, стрекоза, уезжаем отсюда! Меня переводят служить в Германию!

Через пару дней немудрёный семейный скарб был уложен в кузов грузовичка. Отец попрощался на плацу с танкистами, сел на переднее сидение открытого «виллиса» рядом с солдатом-водителем. Нинка и мать расположились позади.

Миновав околицу городка, машины вывернули на «большак». И тут, у поворота, Нинка заметила знакомую косолапую фигуру, ковыляющую наперерез по полю.

Яшка застыл на дорожной обочине как вкопанный. И когда мимо, набирая скорость проезжали машины, так же как и раньше, глядя на Нинку, блаженно улыбался, и так же печальны были его глаза. Он поднял руку и прощально помахал. Робко оглядываясь на мать, махнула ему рукой и Нинка...

...Нина Ивановна долго еще стояла у кануна, дожидаясь пока не погаснет огонёк поминальной свечки. Что стало с тем бедолагой Яшкой из далекой её юности, как окончил он дни свои? Теперь наверняка никто и не ведал. Сколько страдальцев в разные времена видел этот Ильинский храм - несть им числа.

Будущее уже с нами

В быстро сгустившихся сумерках к продуваемой со всех сторон холодным ветром остановке подкатило нужное мне маршрутное такси. Жёлтая газель с тёмным полупустым салоном. Восемь задних сидений, по четыре с каждой стороны развёрнутые в проход, тут же вслед за мной оказались заняты прозябшими пассажирами. Я устроился вторым от конца, а вокруг рас-положились, как на подбор, сплошь молодые люди, парни и девушки самое большее лет двадцати с маленьким хвостиком. Уже совсем не моего поколения, дети, если ещё не внуки. Студен-ты после вечерних занятий, наверное. В основном каждый сам по себе, за исключением одной пары, но и они ни словом не перекинулись за всю дорогу.

Прежде, чем тронуться, уже без свободных мест маршрутка постояла ещё некоторое время. Мы молчаливо передали плату за проезд в сумраке салона, водитель почему-то так и не включил внутреннее освещение. И тут же все до единого вокруг меня, не сговариваясь, но как по команде, извлекли из карманов или сумочек мобильные телефоны. Даже замёрзшая девочка в шубке с правой руки, прошмыгнувшая первой в самый конец салона. Разумеется, сделали они это не совсем одновременно, а с небольшими интервалами, как по цепочке. Но и то выглядело довольно жутко. В мертвенных отсветах включившихся наладонников сосредоточенные лица всех без исключения показались принадлежащими потустороннему миру. Вероятно, со стороны я выглядел теперь среди них совершенно посторонним, чем-то вроде «белой вороны».

Словно в один момент я очутился в компании потерявших человеческий облик зомби. Нет, от них не ощущалось ни малейшей опасности, конечно, мне не грозило оказаться искусанным, подобно несчастным героям голливудских ужастиков. На отрешённых лицах в тусклом мертвенном свете не улавливалось ни искры интереса к окружающему. Ещё больше они напоминали людей, в сознание которых внедрились инопланетяне, сделавшие их безвольными марионетками, послушными чужой злонамеренной игре. И сейчас все они получали от своих хозяев дополнительные пошаговые инструкции по дальнейшим действиям.

Происходящему на моих глазах можно было подыскать и более правдоподобные объяснения. Например, все сидящие передо мной исполняли таинственный чудной ритуал религиозной секты, наподобие новых сайентологов, принадлежность к которой подтверждалась поголовным наличием мобильных. Даже парень с девушкой, державшиеся вместе с момента посадки, подобно остальным, с заведённой тупостью тыкали кончиками пальцев в сенсорные экраны. Окажись на моём месте умелый карманник, наверняка нашёл бы здесь среди увлечённых просмотрами поживу без особой опаски быть пойманным на месте.

Вот, осенило меня внезапно, это ведь и есть незаметно подкравшееся к нам будущее, тревожное и пугающее таким наглядным воплощением - «блистающий новый мир», как выразился когда-то Олдос Хаксли. Благодаря своим навороченным гаджетам кучно сидящая рядом молодёжь выглядела до поразительного разобщённой. Совершенные средства связи оказались вопреки замыслу их изобретателей средствами изоляции, без которых владельцы уже ни минуты жизни для себя представить не могли. Они воображались ими несравнимо более интересными и важными, чем близость незнакомых случайных попутчиков. Вряд ли сейчас нашлось бы что-то способное их отвлечь, заинтересовать чем-то другим. Да и что можно было предложить взамен? Спеть песню или пустить бутылку пива по кругу? Смешно, просто полная дичь! В том-то и дело, что никакой серьёзной альтернативы творившемуся не имелось. А потому приходилось принять его, как неизбежную данность.

В какой-то момент один из сидевших возле меня внезапно громко засмеялся увиденному на экране мобильного. Я уже подумал с облегчением, что не всё ещё потеряно с этим поколением, и у них могут проскакивать хоть какие-то проявления нормальных человеческих чувств. Но он тут же смолк, вернувшись в прежнее заторможенное состояние. Лишь через несколько остановок тот или иной начали озираться в незакрытые рекламой окна, пытаясь определить, где мы находимся.

Если честно, я мог не шибко отличаться от них, если бы имел с начала возможность поддаться заразительности общего действия. У меня в нагрудном кармане плаща прятался новенький «Нопог 7А», вполне устраивавший в повседневности. В какой-то момент под влиянием окружающих у меня проскочил зуд в пальцах. Только вот аккумулятор окончательно сдох за день, зарядное устройство осталось дома, а зарядить вчера поленился. Так что подобный соблазн мне этим вечером не угрожал.

Постепенно наши ряды редели, один за другим пассажиры покидали салон на следующих остановках. Кто-то при этом выключал и убирал с глаз долой свои телефоны, кто-то продолжал и на выходе вертеть в руках жизненно необходимый аксессуар.

А вскоре подошла и моя очередь.

С.Е. КРИВОРОТОВ г. Астрахань.

Переводчица

“Самыми презренными людьми в Египте считались свинопасы и переводчики”.
(История Египта)

Каждую весну раскрываются двери женских гимназий, пансионатов и институтов и выпускают в жизнь несколько сотен... переводчиц.

Я не шучу. До шуток ли тут!

В былые времена о чем думали и о чем заботились маменьки выпускных девиц?

- Вот буду вывозить Машеньку. Может быть, и пошлет Бог подходящую партию...

- Глашенька-то как хорошо пристроилась. Всего девять зим выезжала, на десятую - Исая, ликуй!

Так говорила маменька со средствами. У кого же не было запаса на девять зим, те старались подсунуть дочь погостить к богатому родственнику или к «благодетельнице». И родственник, и благодетельница понимали, что каждую девицу нужно выдавать замуж, и способствовали делу. Вейнингеров в то время еще не было, и никто не подозревал о том, как низка и вредна женщина. Открыть глаза было некому, и молодые люди женились на барышнях.

Так было прежде.

Теперь совсем не то. Теперь жених (так называемый «жених» - лицо собирательное), как бы влюблен он ни был, уже вкусил от Вейнингера! Хоть из десятых рук, от какого-нибудь репетитора племянника сестры, двоюродного дяди. И пусть он слышал только всего, что у Вейнингеров все «м» да «ж», - с него достаточно, чтобы скривить рот и сказать барышне:

- Знаете, я принципиально против женитьбы. У женщин слишком много этих всяких букв. Вейнингер совершенно прав!

И маменьки это знают.

- Знаете, Авдотья Петровна, - говорит маменька своей приятельнице. - Что-то в нас, в женщинах, такое открылось нехорошее. Уж и ума не приложу, что такое. Придется, видно, Сонечке в контору поступать либо переводов искать.

- Все в конторах переполнено. У меня две дочки второй год со всех языков переводят. Беда!

- Уж не переехать ли лучше в провинцию? Может быть, там еще ничего не знают про наши дела. Может, до них еще не дошло.

- Да, рассказывайте! У меня в Могилеве брат жену бросил. Пишет: никуда жена не годится. Что ни сделает - все «ж». Едет, бедная, сюда. Хочет переводами заняться...

Выйдет девица из института, сунется в одну контору - полно. В другую - полно. В третьей - запишут кандидаткой.

- Нет, - скажут, - сударыня. Вам не особенно долго ждать придется. Лет через восемь получите место младшей подбарышни, сразу на одиннадцать рублей. Счастливы попали.

Повертится девица, повертится. Напечатает публикацию:

«Окончившая институт, знает все науки практически и теоретически, может готовить все возрасты и полы, временем и пространством не стесняется».

Придет на другой день старуха, спросит:

- А вы сладкое умеете?

- Чего-с?

- Ну, да, сладкое готовить умеете?

- Нет... я этому не училась.

- Так чего же тогда публикуете, что готовить умеете? Только даром порядочных людей беспокоите!

Больше не придет никто.

Поплачет девица, потужит и купит два словаря: французский и немецкий.

Тут судьба ее определяется раз навсегда.

Трещит перо, свистит бумага, шуршит словарь...

Скорей! Скорей!

Главное достоинство перевода, по убеждению издателей, - скорость выполнения.

Да и для самой переводчицы выгоднее валять скорее. Двенадцать, пятнадцать рублей с листа. Эта плата не располагает человека к лени.

Трещит перо...

«Поздно ночью, прокрадываясь к дому своей возлюбленной, увидел ее собаку, сидеть одной на краю дороги».

«Он вспомнил ее слова: „Я была любовницей графа, но это не переначнется“.

Бумага свистит...

«Красавица была замечательно очаровательна. Ее смуглые черты лица были невероятны. Крупные котята (chatons - алмазы) играли на ее ушах. Но очаровательнее всего была ямочка на подзатыльнике красавицы. Ах, сколько раз - увы! - этот подзатыльник снился Гастону!»

Шуршит словарь...

«Зал заливался светом при помощи канделябров. Графиня снова была царицей бала. Она приехала с дедушкой в открытом лиловом платье, отделанном белыми розами».

«Амели плакала, обнимая родителям колени, которые были всегда так добры к ней, но теперь сурово отталкивали ее».

«Она была полного роста, но довольно бледного».

«Он всюду наткался на любовь к себе и нежное обращение».

Вот передо мною серьезная работа - перевод какой-то английской богословской книги.

Читаю:

«Хорош тот, кто сведет стадо в несколько голов. Но хорош и тот, кто раздобудет одного барана. Он также может спокойно зажить в хорошей деревне».

Что такое? Что же это значит?

Это значит вот что:

«Блажен приведший всю паству свою, но **блажей** и приведший одну овцу, ибо и он упокоится в селениях праведных».

Все реже и реже шуршит словарь. Навык быстро приобретается. Работа приятная. Сидишь дома, в тепле. Бежать никуда не надо. И знакомым можно ввернуть словечко, вроде:

- Мы, литераторы...

- С тех пор как я посвятила себя литературе...

- Ах, литературный труд так плохо оплачивается... У нас нет ничего, кроме славы!

Трещат перья, свистит бумага. Скорей! Скорей!

«Алиса Рузевельт любит роскошь. На большом приеме она щегольнула своим полуплисовым платьем...»

Шуршит словарь...

Надежда ТЭФФИ.

*Не смотри на жизнь
мрачнее, чем она на тебя...*

*Больше всего человек обижается,
если ставят под сомнение его чувство юмора
или же его право быть несчастливым.*
(С. Льюис)

Птица-зима

Здравствуй, зима, словно птица крылом ты махнула,
Снегом посыпала, холодом вдруг обняла,
Только не ждем, чтобы птица скорей упорхнула,
Не для того свои песни слагая ждала.

Как день за днем покидала неспешная осень,
Солнцем светилась и хмурилась серым дождем,
Листья с деревьев под ноги нам с легкостью бросив,
Знала, так надо, зиме будет легче потом.

Птица-зима, распахни свои добрые крылья,
И обними белоснежной, пушистой красой,
Сказочной стань, интересной, красивою былью,
В зимние праздники песни привлекливо пой.

1.12.16.

Сайт "Свете Тихий"

Ирина Журавлева.

*"Многое совершенно необъяснимое
объясняется иногда просто глупостью"*
(Л. Толстой, со слов Бунина)

*В силу ряда причин я не могу сейчас ответить вам словами,
какие употребляете вы. Но я искренне надеюсь, что когда вы вернетесь домой,
ваша мать выскочит из подворотни и как следует вас искушает.*
(Фаина Раневская).

ДВУРУЧНАЯ ПИЛА

Посвящается двуручной пиле

В начале пятидесятых годов Алёшин, волей судьбы, но, скорее, печального случая, попал на работу в геологический отряд. К своим семнадцати годам он уже избавился от многих юношеских романтических мечтаний, притязаний. Но - по порядку...

В четырнадцать лет, после окончания седьмого класса, его мать не смогла при мизерной зарплате, оплачивать сыну дальнейшее обучение в школе. Где-то в это время как раз ввели платное обучение (позднее, правда, плату отменили).

- Поезжай, - посоветовала мать, - учиться в Красноярск, на повара. Всю жизнь будешь при пище, да и мне - на старости - за тебя спокойнее будет. Годы были послевоенные, полуголодные.

- В кулинарный, что ли?

- Ну, пищу где учат варить.

- Да, - подумал Женька, - поеду. Поступлю. Он хорошо учился и вступительных экзаменов не боялся.

Экзамены он сдал на отлично. Предстояло проверить степень ощущений органов чувств: солёное - не солёное, вкусное - не вкусное. Запахи. И вот тут Алёшин погорел: выяснилось, что он абсолютно не понимает запахов. Его тут же отправили домой.

Понурим вернулся Женька к матери.

- Да ладно, не огорчайся, - утешала мать. Твой отец тоже жил без носа. А зачем ему нос? Он в штольнях работал. Уголь рубал. Чего его нюхать!

В это время в городе открылось лётное училище. С осени начинался набор учеников, достигших пятнадцати лет. Платили приличную стипендию. Мать самолётов боялась, но нехотя согласилась: её прельстила большая стипендия. Школьные экзамены принимали как-то легкомысленно. Однако медицинская комиссия была въедливой. Женька легко проходил одного врача за другим. Оставался последний - окулист.

- Ты какие очки носишь, - спросила женщина, когда он силился угадать, в какую же букву тычет указкой врачаха - на второй или третьей строке таблицы.

- Никакие, - удивился Женька.

- Ты вот что, э... Алёшин, беги и купи очки минус три. Там знают. Скажешь минус три диоптрии. А в училище ты не годишься. - И вздохнула.

Алёшин тоже глубоко вздохнул и чуть не расплакался.

- Не расстраивайся. Может тебе и повезло. Знаешь, как часто сейчас лётчики разбиваются на этих беспропеллерных самолётах.

Врачиха была права. Через три года, только что выпущенный из лётного училища в самостоятельный полёт, его приятель Эдик Горланов погиб в реактивном самолёте. И поступил Женька в химика-технологический техникум. Техникуму было безразлично хорошо ли он видел, понимал ли запахи, вкусы...

Учился Женька блестяще. Но его не оставляла мечта о среднем, и даже о высшем образовании. И в сентябре он, не отрываясь от учёбы в техникуме, пошёл в восьмой класс вечерней школы. Тут, пожалуй, к месту будет история, подтверждающая поговорку: "везёт дуракам и пьяницам". В тот же год к ним - из деревни, где Женька родился - прибыл его двоюродный брат, поступать в этот же техникум. В качестве символической оплаты за проживание, он вывалил ворох облигаций. На которые власть обязывала подписываться каждого работающего. Мать Алёшина кинула облигации в деревянный сундук, и забыла про них. Но не Женька! После каждого объявленного тиража, он проверял бессчётное количество «государственных знаков». И однажды один из билетов выиграл тысячу рублей, или велосипед. Было это зимой 1951 года. Женька разумно рассудил: тысячу рублей мать истратит, чтобы заткнуть многочисленные дыры в семье, а зимой на велосипеде никто кататься не будет; весной он его продаст и купит билет до Ленинграда! И Женька притащил велосипед. Крику и плача было много...

После окончания второго курса техникума и девятого класса вечерней школы Женька, к огорчению матери, бросил занятия в техникуме и вечернюю школу. Поступил в десятый класс на дневное отделение, чтобы получить диплом об окончании средней школы. И получил. И продал велосипед. И купил билет до Ленинграда.

К этому времени он уже писал какие-то рассказы, кропал множество мм... бездарных виршей. Как-то с одним из рассказов, «Золотоискатели», Алёшин прорвался к директору приезжего театра оперетты. Почему-то решил, что директор входит в круг

литераторов и ознакомит их с его опусом. Директор долго хохотал, но пообещал, что покажет рассказ своему приятелю, редактору популярной в Сибири газеты «Кузбасс». Они распрощались. Театр вскоре уехал, и Женька забыл о своём визите к директору. А через год к Женьке домой ворвался приятель с криком: - «Женька! Тебя газета пропечатала!» И сунул ему измятый лист «Кузбасса». На четвёртой странице Женька увидел свою фамилию - Алёшин, Имя, и рассказ - «Золотоискатели».

- Надо же! - подумал Женька, - директор-то!

А через несколько недель он неожиданно получил первый в своей жизни гонорар. Мать заплакала. Но Алёшин не успел насладиться заслуженной славой своего двора и родственников. Уже через несколько дней поезд мчал его в Ленинград...

Женька кропал какие-то вирши, обрывки историй и всё думал: буду писателем! А попал в геологию. Но мечты своей не забыл. Исписывал записные книжки: заметки, наблюдения, стишата, даже рассказы... Иные вдруг стали принимать к печати в газетах периферийных городков, куда его забрасывала геологическая служба. Почти ни одно торжество в геологической фирме не проходило без Женькиных опусов, виршей. Будь то защита докторских, кандидатских диссертаций, дней рождения сотрудников, окончание учёбы, и даже поминок. Геологи народ дружный, общительный; вскоре слухи о «застольных» упражнениях Алёшина, посвященных различным торжествам, распространились по многочисленным в пятидесятые годы конторам причастным к геологии, и не только. Собственно, отсюда и начинается повествование о двуручной пиле. История, которая вот уже более полувека не покидает память Алёшина, а недавно получила и продолжение...

Где-то в середине пятидесятых годов Женьку пригласили знакомые студенты на пир по случаю окончания института. Подумали, и решили совместить завершение учёбы со свадьбой. Так он оказался за свадебным столом. Как-то сразу в свадебной комнате стало шумно и весело. Вручались дешёвенькие подарки, обменивались адресами назначений. Произносились тосты. У девушек нет-нет да закипали слёзы. От радости? Огорчения?

После второго или третьего тоста в комнату ввалилась запоздалая компания из трёх-четырёх человек. Стол восторженно встретил новых гостей хохотом, шумным весельем. По-видимому, этих ребят очень любили.

- Прошу тишины! - произнёс один из запоздавших, рослый, слегка полнеющий юноша. Как потом выяснилось, Слава. - Мы приготовили для новобрачных необычный, нестандартный презент.

И начал раздеваться. Сначала он снял пальто. Потом скинул пиджак. Когда приготовился освободиться от рубашки, кто-то выкрикнул: А штаны?

- Девушек прошу не смущаться. Останусь в штанах! - и сбросил рубашку.

Тут все увидели, что у Славы вокруг живота была обёрнута неширокая металлическая двуручная пила!

И вновь застолье взорвалось шумом, заплодировало, засмеялось.

Слава поднял руку, прося тишины.

- Милые наши новобрачные, Лена и Володя! Мы вручаем этот подарок, двуручную пилу - через жену - в новообразованную семейную ячейку. Но без прикладного назначения - пилить супруга. И вы сейчас за этим столом, перед всем бывшим курсом НГ-50 дадите клятву. Вы поклянетесь, что до самого конца своей счастливой жизни, куда бы вас не забросила судьба, не расстанетесь с этой пилой, не предадите её... Даже если вам никогда не придется использовать пилу по прямому назначению. Клянетесь?

Стол почему-то затих. Неизвестно почему, но вчерашние легкомысленные студенты вдруг стали серьёзными. Может быть от необычности подарка, или от суровой интонации, с которой Слава произнёс свой короткий тост - призыва к клятве...

Лена и Володя встали. И охрипшими голосами произнесли: «Клянёмся!». Слава передал двуручную пилу Лене. Кое-где за столом послышались сдавленные всхлипы, - всплакнули юные девчушки. От необычной обстановки и предстоящего расставания, или от неизвестности грядущей судьбы? Наверное, здесь было всё.

В пятидесятые годы - хотя и ДО, и ещё несколько десятилетий После - студенты России не имели права выбора места работы. Лишь в конце восьмидесятых - в начале девяностых «крепостное» распределение выпускников как-то незаметно закончилось. Сокурсники завидовали Лене и Володе, которые получили отличное распределение: их направляли в «столицу» Сибири, в город Новосибирск. Да и сами они были родом из Сибири; оканчивали десятый класс в Иркутске; так что были очень довольны.

Через несколько дней бывшие студенты разъехались по местам назначений. Женька оставался работать и учиться. Все уезжающие записывали адрес Алёшина, обещали ему писать. И действительно в первые недели после расставания Женька получал от них ворох писем с разной дозой оптимизма и огорчений. Через месяц-другой поток писем как-то разом иссяк. Женька понимал, что бывшие студенты зажили своей новой жизнью, предназначенной судьбой.

От Лены и Владимира письма долго не было. Алёшин понимающе ухмылялся и уже перестал ждать от них вестей. И вдруг месяца через три из Новосибирска от Володи пришло печальное письмо. Он писал, что в Новосибирске для них, геологов-нефтяников, не оказалось работы. Им предложили на выбор несколько адресов: в глухих местах - далеко на Севере и на Востоке России. Было и неожиданное приглашение с Алтая, на должности горных инженеров по поиску железорудных месторождений. Володя и Лена находились в состоянии панических раздумий. Затем они замолкли. Обратного адреса не было.

Нежданно зимой Алёшину пришёл конверт с незнакомым ответным адресом. Открыл. Писала Лена. Но содержание! Ни одной панической ноты, в отличие от письма Володи. "Женька!.." - в Ленинграде все его так называли. - "Женька! Мы с Володей, кажется, нашли себя. Мы даже счастливы. Довольны нами и в геологическом управлении. Живём и работаем в Горном Алтае. Ищем руду. Как-то быстро мы втянулись в незнакомую нам работу и уже летом обнаружили несколько залежей медных руд. Сейчас там ведётся бурение с целью установления запасов меди. А зимой мы пишем отчёты, чертим карты-кроки, занимаемся камеральной работой, обрабатываем собранный летом материал. Нам дали огромный пустой бревенчатый дом с русской печью. Здесь много брошенных домов, - люди уезжают отсюда в поисках работы. Женька, мы так довольны подарком Славы и его друзей! Двуручная пила здесь редкость, такую не достать. Мы каждую неделю с Володей пилим кедровые брёвна, а он заготавливает дрова..." Письмо было длинным, подробным, жизнерадостным.

Следующее письмо с Алтая пришло в начале лета. От Володи. В весёлом послании он сообщал, что Лена произвела на свет здорового сына в четыре с половиной кг! Назвали сына в честь друга, подарившего им двуручную пилу, Славой. Володя много и радостно писал о работе, о двуручной пиле. Сетовал, что студенты по совместной учёбе им не пишут, и он о них ничего не знает; справлялся у Женьки о них. Но Алёшин тоже ничего не знал.

Шли годы, десятилетия. Женька очень редко - раз, два в год - получал весточки от Володи. И почти ничего не знал о бывших сокурсниках, приятелях Лены и Володи.

Года через два-три после рождения сына, Лена выдала двойню - девочек. Сейчас они уже заканчивают среднюю школу, а сын Слава учится в Горном институте г. Кемерово на факультете «поиск рудных месторождений». Практику собирается проходить у отца.

Письма с Алтая приходили всё реже. Иногда и через год, два. О себе Лена и Володя писали мало. Большая часть писем была посвящена двуручной пиле. Оказывается, Володя возил пилу и на полевые работы. Заворачивал её в несколько слоёв материи, затем вокруг себя, как когда-то делал Слава, и взбирался на лошадь. Всё полевое барахлишко возили на лошадях. Как-то скупово поведал о встрече с медведем...

"Ты знаешь, конечно, что в одиночку маршруты запрещены. Но тут под осень остались мы в лагере вдвоём. Дня через три ждали вертолёт. Ну, я и говорю напарнику: ты оставайся в лагере, чтобы медведи его не порушили, а я на пару дней смотаюсь в соседний распадок, километров за десять. А дорога шла вдоль глубокой пропасти - по узкой тропе, пробитой, должно быть, торговцами-контрабандистами ещё во 2-ом веке до новой эры. На тропе - две встречные вьючные лошади не могли разминуться. Поэтому вдоль непросматриваемой части тропы - более чем на сто метров - вырубались в скалах ниши на три-четыре лошади, для пережидания встречных караванов. А путники, сопровождающие лошадей, обязаны были непрерывно подавать шумовые сигналы, или петь. Вот на такой тропе - лицом к лицу, а точнее, морда к морде - лошадь и медведь столкнулись. Лошадь - на дыбы! Меня сбросила. Сама в пропасть свалилась. Куда делся медведь - неизвестно. Лошадь потом нашли на дне пропасти, погибшей. А меня со сломанными ребрами вывезли в Горно-Алтайск. Через месяц я уже вернулся к работе".

Почти в каждом, хотя и редком письме, Володя рассказывал о двуручной пиле.

"Скоро уж тридцать лет, как мы с Леной здесь. Все эти годы пилим и пилим, заготавливаем дрова. Пила уж истончилась. Была, наверное, тринадцать-четырнадцать сантиметров шириной, а сейчас, измерял недавно, уже меньше десяти. Часто её

затачиваю. Да и то... кедр плотное дерево, а нам зачастую окаменевшую древесину привозят, сухой. В поле теперь её не беру. Берегу. Хотим, чтобы её на нашу жизнь хватило».

В пятьдесят пять лет Лена вышла на пенсию, но ещё несколько лет работала. После шестидесяти на полевые работы выезжать перестала. Года через три засобиралась в Ленинград. Отец сообщал, что мать стала часто болеть. Перед отъездом Лены, они с мужем решили наготовить дров ему в запас. С перерывами пилили целый день. Допиливали последнее бревно, как вдруг раздался хруст, и двуручная пила переломилась ровно посередине. Лена и Володя одновременно вскрикнули, опустили на чурбаны и затихли. Лена тихо заплакала.

Через день она улетела. Перед отъездом взяла с мужа слово, что через год он увольняется и возвращается в Ленинград. Так и порешили. Однако, он ещё четыре года оставался в Горном Алтае. Работал. Работал уже вместе с сыном.

Алёшин уже пять или шесть лет живёт в эмиграции, в Австралии. В последние годы всё собирался навестить мать в России, в Кемерово. Просил подождать его, не умирать, - матери шёл восемьдесят восьмой год.

Наконец, он вылетел в Россию, чтобы навестить мать, а затем совершить путешествие вокруг планеты. Но матери не застал: она успокоилась на тихом деревенском кладбище. В этой деревне родилась, здесь вышла замуж, родила Женьку, тут арестовали её мужа...

Женька молча постоял у старообрядческого креста. Слёз не было. Только бесконечная печаль. Стоял май. «Что дальше? - думал он. - Обратном?»

И вдруг припомнил, что рядом, на Алтае, наверное, всё ещё живёт, а может быть, и работает давнишний его приятель Володя. Алёшин поспешил на почту и послал телеграмму. «Я в Кемерово. Могу залететь на пару дней. Женька».

Через день Алёшин получил ответ. «Жду. Володя».

- Входи, - и Володя распахнул скрипучую дверь в свой дом. - Проходи в гостиную.

Первое, что увидел Алёшин в красном углу гостиной, это - образ Божьей Матери с Младенцем, а по обеим сторонам иконы висели половинки сломанной двуручной пилы.

- Образ принёс батюшка местной церкви, когда Лена вернулась с сыном. А пила... она наш член семьи. Можно сказать, и спаситель. С ней много что связано. И смешного, и трагического... Расскажу.

Через месяц, обогнув земной шар, посетив десяток стран, Алёшин вернулся на свою вторую Родину, в Австралию. Его ждало письмо из Ленинграда. Писал Володя. Грустные новости.

Вскоре после отъезда Алёшина с Алтая, Володя, с интервалом в неделю, получил две телеграммы от отца - о смерти матери Лены, а также об инфаркте у Лены. Лена почему-то просила захватить половинку двуручной пилы. Володю и сына вывезли с полевых работ; оба вылетели в Ленинград. На похороны матери они не успели. А Лена была в больнице...

Володя каждый день просиживал у её кровати. Утешал, что скоро её подлечат, и они вернутся домой. В ответ Лена слабо улыбалась. Наказывала похоронить её по христианскому обычаю, в домовине. И положить с ней... половинку двуручной пилы.

Вскоре сын вернулся на Алтай. Отец передал с ним заявление об увольнении и твёрдый наказ - положить его рядом с женой, и в гроб - вторую половинку двуручной пилы.

Ген. Гончаров. Канберра.

Однажды на корабль грамматик сел ученый,
И кормчего спросил сей муж самовлюбленный:
«Читал ты синтаксис?» - «Нет», - кормчий отвечал.
«Полжизни жил ты зря!» - ученый муж сказал.
Обижен тяжело был кормчий тот достойный,
Но только промолчал и вид хранил спокойный.
Тут ветер налетел, как горы, волны взрыл,
И кормчий бледного грамматика спросил:
«Учился плавать ты?» Тот в трепете великом
Сказал: «Нет, о мудрец совета, добрый ликом».
«Увы, ученый муж! - промолвил мореход -
Ты зря потратил жизнь: корабль ко дну идет». *Джалаладдин Руми.*

Друзья вчерашние из списков удаляют,
 Пусть рвётся этих слабых связей нить...
 Меня не помрачит година злая,
 И не смутят вослед раскаты лая.
 Меня с Донбассом в сердце – не сломить!

Бросайте камни, бейте чёрствым словом,
 Я выдержу удары грязных фраз.
 Пусть злоба древним змием стоголовым,
 Меня пытается лишить надежды снова...
 Ничто не в силах у меня отнять Донбасс!

Иван НЕЧИПОРУК г. Горловка, ДНР.

Псалом 136

При бурных реках Вавилона
 Сидели мы, роняя слезы,
 Воспоминанья о Сионе
 Будили призрачные грезы.
 На вербах, росших при водах,
 Повесили мы арфы наши.
 Там требовал глумливый враг:
 «Пропойте нам из песен ваших».
 Но как нам петь в земле чужой,
 С пленившими нас веселиться?
 О, коль забуду град святой,
 Забудь меня, моя десница.
 Прилипни грешный мой язык
 Навек к иссохшейся гортани,
 Коль обратить забуду лик
 К тебе в дни горестных страданий.
 Припомни, Господи, врагам
 День скорби Иерусалима,
 Воздай Едомовым сынам
 За поругание святыни.
 О, злая Вавилона дочь,
 Безумной гордости полна,
 Блажен, кто сможет нам помочь,
 Воздав тебе за все сполна.
 Тот, кто, разрушив твой оплот,
 Тебя саму повергнет в пламень,
 Тот, кто детей твоих возьмет
 И разобьет об острый камень.

Евгений Новицкий.

Когда бы доверяли не словам,
 А истине, что сердцем познается,
 Да сердцу, что от истины зажжется,
 То не было б предела чудесам.

Джалаладдин Руми

Звезда-свеча

(памяти Андрея Зверева)

Сияет скупо в небесах
 Звезда разбившихся пилотов...
 Звезда оборванных полётов —
 Мечта и смерть,
 Восторг и крах.
 Стремиться к ней на склоне дней
 Зовёт лишь память испытаний,
 Угар несбывшихся желаний,
 Да гул умчавшихся коней.
 Но не сгорай, звезда-свеча!
 Тепло костра, уют камина —
 Земная жизни половина,
 Ничто без твоего луча.
 Всегда зовёт, всегда в полёт.
 Хоть ничего не обещает.
 Во тьме по-прежнему сияет,
 Как будто жжёт, как будто ждёт.

Рыженков Вячеслав Борисович

«На свете нет ужаснее напасти, чем
 идиот, дорвавшийся до власти!»
 Л.А.Филатов

ГНЁТ

Работал Гнёт в номенклатуре
 И сам себя превозносил,
 Бюрократические бури
 Спокойненько переносил.
 Давил он профессионально
 На всех, над кем поставлен был,
 И в результате гениально
 Всё лишнее давно забыл.
 Одно он знал: его работа
 Следить, чтоб вверх никто не лез,
 И, если всё же вылез кто-то,
 Знать, нужно увеличить вес.
 Но вот однажды забродили
 Под Гнётом в бочке огурцы,
 Они на митинги ходили,
 Кричали: «Довели, отцы!
 На совесть раньше нас солили,
 А нынче экономят соль!..»
 Короче, непорядки всплыли,
 И Гнёт был брошен на фасоль.
 Навряд ли это - понижение,
 Фасоль ведь - царская еда.
 Когда ж и там пошло брожение,
 Гнёт вспомнил про свои года.
 И был на пенсию с почётом
 Отправлен, чтоб дожить свой век.
 Бывает очень схожим с Гнётом
 Иной известный человек.

Валерий Румянцев

Ещё раз о зелёных человечках

На рассвете он встал, умылся холодной водопроводной водой и прошёл в свою рабочую комнату. В голове оформился кое-какой сюжетец, требовавший немедленного воплощения на дисплее компьютера. На письменном столе возле распахнутого настежь окна неподвижно восседали четыре зелёных человечка, целая компания, словно объёмная картинка из антиалкогольной брошюры или персонажи из мультика с подобным же содержанием. «Так!» – сказал себе писатель, повернулся и отправился на кухню. Хотя подобное видение посетило его впервые, он решил не волноваться и неторопливо вскипятил воду в мельхиоровом чайнике, затем развёл погуще бразильский кофе из стеклянной банки с изображением индейца, без большой натяжки могущего сойти за троюродного брата только что привидевшихся персонажей. После этого он, так же не спеша, вернулся к письменному столу и на этот раз ощутил лёгкое беспокойство: бригада зелёных человечков или чёртиков оставалась в том же составе. Шевеля не то рожками, не то антеннами, они повернулись, как один, навстречу писателю, разглядывая его ничего не выражающими выпуклыми бусинами оранжевых глаз. Было в них и что-то муравьиное, и механическое одновременно.

- Здравствуйте, Владимир Николаевич! - сказали все разом, не открывая ртов.

«Глюки?!» - мысленно спросил себя писатель и так же ответил со вздохом:

- «Когда-нибудь это должно было случиться. Надо же, и голоса слышатся...»

- Не беспокойтесь, Владимир Николаевич, мы представляем собой вполне объективную реальность, в чём вас категорически уверяем! - снова хором, не разжимая губ, заверили человечки голосами мультипликационных героев.

«Конечно, - усмехнулся писатель, с юмором начиная относиться к возникшему положению. - Свои речи они прямо телепатируют мне в мозг, ясный пень! Но, почему такая банальная внешность из комиксов, если они не порождение моей фантазии?»

- Вы совершенно правы в своих умозаключениях, - проговорил кто-то из них, голос, напоминавший Буратино из детской радиопостановки звучал в голове писателя. - Что же касается внешности, не это главное, кому, как не вам знать об условности наружных признаков инопланетян!

Писатель кивнул больше себе, он не сомневался, что всё слышимое лишь продукт его сознания, и теперь раздумывал, стоит ли вступать в разговор с собственной галлюцинацией?

- Напрасно вы не принимаете нашу реальность, Владимир Николаевич! - огорчился голосок Буратино, безошибочно узнавая его мысли. - У нас к вам дело: поговорить надо.

- Хгмм... - неопределённо выразился хозяин квартиры.

- послушайте, Владимир Николаевич, ведь это первый наш контакт с человечеством, понимаете? За несколько лет наблюдений мы решили обратиться сначала к вам!

- Но почему у меня? Разве я злоупотреблял? - с сомнением спросил писатель невпопад, ни к кому определённо не обращаясь.

В голоске Буратино зазвучали нотки нетерпения.

- Хватит, валять дурака, Владимир Николаевич! Это слишком серьёзно. Проникнетесь важностью момента - ведь впервые за всю земную историю у вас в руках доказательства наличия инопланетян.

- Что же вы хотите от меня? - сухо осведомился писатель непосредственно у зелёных человечков.

- Мы ознакомились с родом вашей деятельности, несомненно, вы подготавливаете соотечественников к контактам с нам подобными. Поэтому мы решили, что вы более прочих готовы воспринять факт нашего появления и можете проконсультировать насчёт поведения в дальнейшем.

- Значит, вы решили объявиться? - уяснил, наконец, писатель.

- Именно. И вы посоветуете нам, как лучше это совершить.

- И всё же, как я могу убедиться в вашей вещественности, и как смогу поверить в это другие? - он решил сыграть в навязываемую игру.

Зелёные человечки вразной почесали затылки.

- Ну, например, сфотографируйте нас, - бодренько предложил голосок Буратино.

- У меня нет фотоаппарата. Мобильник не заряжен. Да вас и не отличить от кадров мультфильма. Кто поверит!

- В конце концов, вы можете написать о нас...

- Во-первых, всерьёз меня не примут, я же фантаст... Во-вторых, слишком избитая тема, писано-переписано, оскомину набило. Я не вижу никакого нового поворота... Вот если вы что-нибудь этакое подкинете...

- Ну, тогда посоветуйте, где нам обнародоваться? На Красной площади? На заседании Академии наук? Перед государственной Думой? Может, нас хорошо встретят там, за океаном? Может, прямо в ООН податься?

Писатель задумался, ему захотелось курить, но кто знает, как подобное действие воспримется зелёными человечками? И он воздержался.

- Я не понимаю, зачем, собственно, вам понадобилось объявляться? Ну, наблюдали, ну, и продолжайте себе на здоровье...

- Как? - задыхнулись изумлённые человечки. - И это говорите вы?! Именно вы, пытающийся разглядеть будущее своих сограждан? Разве, вам, человечеству, не важно подтверждение наличия инопланетного разума?

- Конечно, - согласился писатель устало. - Но, что это даст практически? Даже если вы докажете абсолютную реальность своего существования, какая польза будет от того людям? У нас и без того своих проблем предостаточно.

- Не понимаем, объясните, пожалуйста... Разве, вам не пригодится наша информация, технология? Мы можем за несколько земных лет ликвидировать голод в развивающихся странах... - взволнованно затараторили четыре Буратино в голове писателя.

- Ну, судите сами, - он прошёлся по комнате, помолчал, собираясь с мыслями и удивляясь своему поведению: неужели, он поверил в реальность маленьких чёртиков? - Во-первых, вы знаете, наверное, насколько сейчас распространилась гипотеза об уникальности жизни на Земле, и какие она имеет последствия? Осознание собственной исключительности, одиночества в космосе, вероятно, поможет человечеству преодолеть внутренние распри, научит более бережно относиться к живому на планете, ценить каждое существо... А тут, нате вам, вы объявляетесь, и всё обоснование летит к чертям! Во-вторых, вам должно быть известно международное положение. Ваш приход в два счёта дестабилизирует обстановку. Возможность приобретения одной страной инопланетной технологии может спровоцировать потенциальных противников на немедленное начало войны.

- Об этом мы и не подумали, - упавшим голосом пролепетал Буратино.

- Если даже в этом случае удастся избежать конфликта, то ваши знания или любая другая помощь нарушит естественное развитие человечества, подорвёт его веру в собственные силы. Об этом немало уже писали фантасты: обесценятся ведущие научные исследования, люди будут лишены стимулов к ним в будущем. Всё это может привести к непредсказуемым последствиям. Так что, я думаю, ни реалистичные политики, ни учёные, ни все здравомыслящие люди не обрадуются вашему вмешательству. Скорее всего, случись подобный факт - его тут же постараются засекретить, перекрыть любую утечку информации... Да что вы сами-то ожидали? - участливо спросил писатель, видя признаки явного расстройств у зелёных человечков.

Те растерянно молчали, повода по сторонам рожками антенн.

- Вы знаете, Владимир Николаевич, пожалуй, вы правы. Мы не учли современной ситуации на Земле, - грустно согласился голосок Буратино. - Контакт представлялся иначе... В любом случае, мы вам очень признательны за консультацию.

- И что же вы намерены предпринять теперь? - вежливо поинтересовался писатель, садясь за стол с инопланетянами.

- Наблюдения мы, конечно, продолжим. Но для официального пришествия подождём, пока люди достигнут более высокой ступени развития, и обстановка на Земле станет благоприятнее. А пока сосредоточимся на поисках иных цивилизаций.

Писатель закрыл один глаз, но зелёных человечков осталось, как и прежде, четверо, он надавил пальцем на глазное яблоко, но на его письменном столе ничего не изменилось. Он вздохнул и посмотрел в отворённое окно, первые лучи солнца окрасили розовым высокие тополя, их листья свежо и молодо зашелестели под дуновением проснувшегося ветерка, птичий щебет усилился, словно кто-то резко повернул невидимый регулятор громкости.

- Жаль, что всё так складывается, - заключил голосок Буратино, трое инопланетян уже ловко выбрались наружу через едва приоткрытую дверь балкона. - Прощайте, Владимир Николаевич, как говорится, не поминайте лихом и помните: вы не одиноки во Вселенной.

Писатель растроганно кивнул напоследок.

Четвёртый зелёный человечек помедлил прежде, чем последовать за остальными, и спросил с робкой надеждой:

- А, может быть, вы как-то попытаете запечатлеть, увековечить, довести до сведения прочих факт нашего появления у вас? Попытайтесь, Владимир Николаевич, что вам стоит, а? Для грядущих поколений, чтобы при будущей встрече люди оказались бы лучше подготовлены к знакомству с нами...

- Да, да, я понимаю, - неожиданно для себя заволновался писатель. - Хорошо, я постараюсь, хоть тема настолько заезжена... Да, я напишу о вас, хотя бы в форме фантастического

рассказа. Большого я не могу обещать, иначе меня просто заставят обратиться к психиатру... («Или к наркологу», – добавил он про себя, но вслух этого не высказал.)

- Очень хорошо, спасибо, мы вам так признательны... - зелёный человечек проскользнул в дверную щель, и через мгновение писатель увидел, как с его балкона бесшумно взмыла летающая тарелка, наподобие средних размеров эмалированного таза для варенья. На секунду она зависла у оконной рамы, и писатель различил сквозь полупрозрачные стенки летательного аппарата четыре фигурки, машущие в прощании зелёными конечностями. Тарелка дёрнулась кверху и вскоре растворилась в чистой голубизне утра.

Уф! Писатель плотно прикрыл балконную дверь и окно, чтоб не смогли вернуться незваные гости, и вздохнул с облегчением. Всё-таки огромное дело он совершил: спас земную ноосферу от опасности непосильной перегрузки. Пусть человечество по-прежнему живёт по собственным закономерностям развития. Мы пойдём своим путём! Угроза зелёно-инопланетного вторжения, чуждого влияния отсрочена, а там что-нибудь снова придумаем. Теперь можно и немного отдохнуть, вернуться в своё естественное состояние. Писатель прилёг на диван, привычно расслабился перед нуль-переходом в родной параллельный мир. Но в последний миг усилием воли прервал уже начавшуюся трансформацию. Нет! Обещание есть обещание. Он должен прежде написать рассказ о визите зелёных человечков, надо усыпить их бдительность: наверняка они располагают возможностями проверки.

Писатель сходил на кухню, приготовил ещё кофе, немного подумал и налил себе стакан водки. Только после этого он почувствовал себя готовым вернуться к опустевшему столу и сесть за остывший компьютер.

С.Е. КРИВОРОТОВ.

*Ко всему можно привыкнуть,
за исключением нескольких тысяч вещей.*
(А. Кумор)

*ВСЁ - это когда
под портретом
вторая дата появилась.*

Февраль

То метели завывают
Над полями и лесами,
То на солнышке сверкает
Снег волшебными огнями.

Вот опять - пурга и ветер
Вьюжат, небо закрывая,
Заплуталось в белых сетях
Солнце - рыбка золотая.

В круговерти этой зимней
Появляются клестята,
А в берлоге - озорные
И слепые медвежата.

На кусты намел сугробы
Вихрей снежных хоровод,
Замело пути-дороги...
Скоро к нам весна придет?

И, когда с весной природа
Скорой встречи ожидает,
В храмах - Сретенье Господне -
Встречу с Богом отмечают.

Людмила Громова

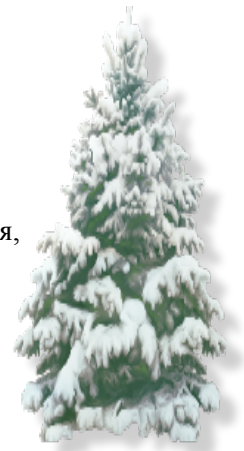
“Свете Тихий”

Снег

О чем расскажет нам сегодня снег?
О небесах, с которых улетаю,
И чистотой Божественной сияю,
Нес радость первозданную для всех.
Не потому ли на душе светло,
Когда на сказку чудную взираю,
И каждый штрих красивый подмечаю,
Оценишь вдруг Великое добро.

Одеты в снег деревья и земля,
Тропинки сквозь сугробы пролегают,
Лишь календарь спеша напоминает,
Что ничего не происходит зря.

Несет мгновенье каждое для нас,
Неповторимость в красоте обычной,
Возможность жить с любовью безграничной,
Благодарить за каждый день и час.

“Свете Тихий”

Ирина Журавлёва.

Глаза собаки - зеркало ума
И мысли отражают лучше лая.
Я загляну в них и наверно знаю,
Что думает сейчас она сама.

А по моим глазам она прозрит
Мою тоску по дружеской приязни
И, заскулив, под руку без боязни
Подластится.

И - пусть не говорит...

Станислав Федотов

